

Александра Турлякова

НУМАНЦИЯ

Елена Турлякова
Нуманция
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60733957

*Нуманция: Общественная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков; Москва; 2020
ISBN 978-5-907254-94-7*

Аннотация

Рано или поздно каждый преклонит колени перед величием Рима. Центурии разрушают, грабят, убивают всех, кто встаёт у них на пути, кто осмеливается заявить о своей независимости. Выживших продают в рабство, используют по своему желанию для удовлетворения животных потребностей. Нуманция пала под сокрушительным натиском, и это изменило всё для десятков её жителей. И для двух людей, которые никогда не должны были встретиться...

Александра Турлякова

Нуманция

Стены Нуманции рухнули на восьмой месяц, после того, как среди жителей уже давно начался голод, но никто не сдавался – ни один из правителей не пришел в римский лагерь с просьбой о милости или сострадания к свободолюбивому городу.

Римские центурии растекались по улицам и кварталам, врывались в вечерние дома, убивая всех и каждого, кто держал в руках хоть что-то, издали напоминающее оружие. Горели дома, торговые лавки, метались женщины и плачущие дети, мужчины еще пытались сражаться, и легионеры молча и жестоко подавляли любое сопротивление; шли дальше.

Центурион Марк Марций вел свою центурию к востоку от главных ворот – здесь было тише всего, пока...

Огромный дом казался пустым, рабы попрятались по углам, при появлении вооружённых легионеров разбежались, как крысы, покидали комнаты, продвигались все дальше и дальше от атриума к внутреннему двору.

– Аций, веди свою декаду по правой лестнице! Виций, ваша декада пойдет следом через интервал – прикрывайте

им спину! Аспер и Факсий, вы также пойдёте – по левой!.. Поппер и Кассий, ваш второй этаж! Генор, проверь комнаты на заднем дворе, кухню и кладовые, будьте внимательны, сопротивление могут оказать и рабы!.. Даксий, поможете ему! Вар, проверьте сад и конюшни, если есть... Будьте внимательны, проверьте каждый угол! Ларсий, остаётесь здесь, проверите комнаты атрия, все, что здесь есть... – Оглядел лица своих деканусов, внимательные настороженные глаза. – Мужчин, подростков, всех, кто с оружием, убивать на месте, женщин, девчонок, детей тащите на улицу, там уже наверняка скупщики рабов... Вы первые – берите, что хотите, только будьте осторожны... Все, ребята, пошли!

Легионеры бросились выполнять короткие приказы деканусов, центурион остался в атриуме, следил, как декада Ларсия растекалась по ближайшим комнатам, сдергивая шторы, высвечивая стены пылающими звездами факелов.

Центурион Марций поудобнее перехватил рукоять короткого меча – гладиуса, – направился в кабинет хозяина дома. По пути зашел еще в две комнаты, никого там не было, лишь шторы смежных комнат дрожали, может быть, от сквозняка. В кабинете он замер, тут тоже дрожала огромная штора на всю стену, но сквозняка не было. Подошел и встал рядом. Штора дрогнула, и римлянин сделал шаг влево, занося руку с мечом на уровень горла. Прислушался. Почему ему вдруг показалось, что это не мужчина? Опустил руку с мечом чуть ниже... Женщина, подросток?

Штора снова дрогнула.

– Стой! Или я убью тебя... не глядя...

Уловил выдох из легких, несмотря на шум и крики с улицы. Рывком отдернул штору и выбросил руку с мечом. Лезвие замерло в двух пальцах от девичьей шеи чуть ниже подбородка.

Девчонка!

Он глядел на нее сверху, в бледное испуганное лицо, огромные тёмные глаза, распахнутые губы. Оглядел ее одежду – рабыня! – полотняная туника, тоненький пояс, сандалии. Моргнул, поднимая глаза, упёрся взглядом в лицо.

Симпатичная. Что ты здесь делаешь? Думаешь, спрячешься? Глупая.

Легионеры найдут, и не поздоровится тебе.

– Пожалуйста... – прошептала девушка.

Ах да!

Он опустил руку с мечом, и рабыня прижала левую ладонь к горлу, будто прикрывая рану, но там у нее ничего не было, кроме дрожащего страха. Да её всю трясло от страха, комок ужаса. Конечно, его можно было сейчас бояться, после того, как они прорвались через ворота города. Как выглядит лицо, если руки и кираса в брызгах крови и грязи?

Ты и должна бояться, потому что теперь ты в моей власти. От страха ты даже рта не раскроешь, что ни сделай сейчас с тобой. Я для тебя сейчас – ночной кошмар, воплощение ужаса!

Но она удивила его не на шутку. Заговорила вдруг, не без страха, конечно, дрожащим голосом, но быстро и уверенно, от чистого сердца, несомненно.

– Пожалуйста!.. Прошу вас... Все мы люди, и вы, и я... Прошу вас, заклинаю... Отпустите меня... Сделайте доброе дело, ведь вы не убили меня сразу, что-то остановило вас, значит, что-то есть у вас в душе, значит, вы – благородный человек... Возможно, у вас тоже есть сестра, жена или девушка, может быть, вы любите... – Перевела дыхание, и слеза сорвалась с ресниц, поползла по щеке. Это возбуждение, страх, нервы, но не истерика. Такая не будет биться головой об стену. – Я не знаю... но уж мать-то у вас точно есть, не упали же вы с неба... О, боже, что я говорю?.. – Но он не обиделся при упоминании матери, смотрел прямо. – Прошу вас, зываю к вам, к тому благородному, что есть у вас, отпустите меня... Прошу вас... Отпустите... Умоляю... – Она замолчала, поджимая дрожащие губы, смотрела на него влажными глазами, наверное, думала, что не тронула центуриона и попробовала зайти с другой стороны, – Если хотите, я... я могу заплатить вам... – Склонила голову, вынимая из мочек ушей тяжелые золотые серьги с красными камнями, протянула центуриону со словами:

– Возьмите... Возьмите, пожалуйста...

Марций долго глядел на неё, рассматривая тонкое лицо, большие темные глаза. Рабыня... Откуда у неё такие серьги? Украла, пока хозяева дома безразличны? Пока никому нет

до этого дела? В этой-то суматохе...

– Украла?.. – усмехнулся, дрогнув губами. – На краденое пытаешься свободу себе купить?

Она отрицательно замотала головой, выбившиеся волосы у висков колыхнулись, на щеках выдавился румянец.

– Нет-нет, это моё... Поверьте мне... Прошу вас...

Почему он верит ей? За что доверяет? Видит в первый раз... Кто она такая?

Слабость! Все это – слабость!

Хорошо, что он один здесь, и рядом нет легионеров его центурии...

Марций медленно убрал в ножны меч, не сводя с неё глаз, девчонка подтянулась, вжимаясь в стену, хрипло задышала, пряча ладони за собой, глядела в упор с жемчужинами слез на ресницах.

Рабыня. Что толку с тебя? Выкупа за тебя не предложат, а свободу ты хочешь купить на серьги, которые где-то, наверное, украла, а может, и впрямь заработала честными путём. Любовник подарил? Если не украла, по твоим словам, то где тогда взяла?

Поджал губы, говоря сухо:

– Уходи отсюда... – Плечи её враз поникли с нескрываемым облегчением, она-то думала, зачем он руки освобождает? – У атриума охраны нет, пройдешь аккуратно – никто не заметит... Через Главные Ворота не иди, там сейчас жарко... Ищи другие пути и беги, беги отсюда подальше...

Она даже ничего не смогла сказать, спазм перехватил горло, бросилась мимо него вон, а центурион постоял, кусая губы. Слабость все это... Души или тела?.. Все одно – слабость...

* * *

После сожжения Нуманции рабов было немного, в городе последние месяцы царил голод, да и жители неохотно шли в плен, мужчины почти все сражались до последнего. Скупщики с каждым днем повышали цены на живой товар, выискивая кого помоложе да посимпатичнее и кого ещё можно было продать где подальше, если откормить и привести в товарный вид. Воины за дни грабежа натащили на потеху много женщин, а теперь потихоньку избавлялись от них, не зная, на что прокормить.

Группы рабов уходили далеко на северо-восток, к Риму, там они будут востребованы. Местные сутенёры скупали самых смазливых и молодых, потом, когда все воины избавятся от своей добычи, они станут приносить своим хозяевам небольшой, но постоянный доход.

Центурион Марций к женщинам был равнодушен, поэтому не захватил себе добычи такого рода, хотя legionеры его центурии приволакивали ему двух женщин на выбор – он отказался! Зачем они ему? Даже если и одна, что с ней делать? Проще заплатить за одну ночь, чем жить с женщиной

под одной крышей. Её нужно терпеть, одевать и кормить, да ещё какая попадетя – не знаешь. Одному в этой жизни всегда проще.

Возвращаясь из Нуманции, его центурия попала в засаду. Воинов в Нуманции было немного, но они уже оправились от первой растерянности, сумели организовать достойное сопротивление римской центурии, расслабившейся с награбленной добычей и с женщинами. Каждый думал, как сохранить свой трофей – мальчишки! Недавнее пополнение... Многие полегли, а виноватым остался один – их центурион, не сумевший вовремя организовать оборону.

Сейчас, через несколько дней после боя, когда начали приводить армию в порядок, стали ясны потери, центурион не досчитался многих и ждал вызова к легату. Ждал каждое мгновение. От тяжести на душе играл в кости.

Играл он редко, но ему всегда везло, кости шли ему, словно живые, и многие в легионе были его должниками. Больше всех должен был ему центурион Овидий – игрок, кутила и пьяница, любитель женщин. Он словно поставил себе цель: обыграть Марция, и с каждой их встречей долг становился больше.

– Всё, Овидий! Достаточно! Сегодня я больше не играю, ты и так должен мне... – Наклонился, глядя в хмельное лицо центуриона. – Плати! Отдавай долги...

– Марций! Где я возьму столько денег? Ты сошел с ума!

– Мне все равно. Ты должен – отдавай!

– Ну-у... – Овидий замялся, захохотал нетрезво, оглядываясь на окружающих людей – легионеров, центурионов. – Давай договоримся. Денег я тебе не найду столько и сразу, давай я тебе предложу равноценную замену.

– Какую еще замену?

– Женщину! Молодую женщину, девушку... Хороша! – Опытно прищёлкнул языком, прищуривая глаза.

– Я не беру долг женщинами. – Старался, чтобы голос был твёрдым и уверенным.

– Извини, мальчиков у меня нет... – Захохотал, и все вдруг поддержали его. Марций стиснул кулаки и нахмурился.

– Ладно! Хватит тут!.. – оборвал смех решительно. – В женщинах долги я не беру, я предпочитаю деньги!

Смех окружающих оборвался, все замерли, ожидая, чем всё закончится.

– Да ты посмотри на неё! Посмотри... Молодая, свежая, не себе оставишь, кто тебя знает, продашь или пусть на тебя поработает... Я тебе с уверенностью скажу, успехом будет пользоваться...

– После тебя... женщину... – усмехнулся. – Извини.

Овидий потрянул темными волосами, крикнул:

– Луд! Приведи девчонку!..

Стоявшие у входа палатки расступились, пропуская раба с девушкой. Она выступила вперед и замерла. Марций сухо сглотнул, стараясь быть спокойным.

Она!

«Ну что же ты не убралась подальше? Попала в руки Овидия! Да-а...»

– Посмотри на неё внимательно. – Овидий подтолкнул девчонку ближе к Марцию. – Отмыть, приодеть... Смотри, какие волосы, кожа нежная, смотри, какие руки, только ласкать... – Схватил за запястье её, протягивая кисть к Марцию. Тот не шевелился, смотрел прямо.

Туника та же, только разорванная от пояса вниз, – колени проглядываются, тонкие, светлые. Волосы, распущенные по плечам, отливали красной медью, свивались у лица, у бледных дрожащих щёк.

«Овидий мало тебя слушал, у него с женщинами разговор короткий – по губам и под себя...»

– За такие деньги, Овидий, я куплю себе две таких рабыни, да еще и девственницы – сейчас такой товар даром идет.

Овидий захохотал:

– Да ты торгаш, Марций! Тебе притон держать надо, вы только посмотрите на него! А...

– Я не торгаш; я просто не люблю, когда меня за дурака держат... – Марций поднялся на ноги, подошел ближе, стараясь не смотреть в её лицо. – Всем известно, как ты с женщинами... Ты даже не скрываешь, у неё, верно, всё тело в синяках... Или она сама тебе отдалась? – Смотрел в упор в темные хмельные глаза центуриона.

– Да ты что? Глянь! Я же знал, что мне её продавать при-

дётся! – Одним махом сорвал с девчонки тунику, вытолкнул рабыню к свету.

Марций приподнял бровь. Под туникой оказалась еще одна, короткая и белая, и ткань значительно лучше, дороже, она лишь скрывала тело еле-еле. С этого момента он засомневался, что она рабыня по сущности своей. Стояла, сжавшись, опустив голову, и волосы посыпались на грудь, открывая спину; обнимала сама себя за плечи, прикрывая грудь. Все, кто был рядом, заулюлюкали, рассматривая девичье тело. Тонкая, светлая кожа ног, высокие сандалии лишь привлекали внимание к ним. Мягкие локти, подрагивающие лопатки.

– Смотри! Где здесь синяки? – Овидий развернул девушку спиной к Марцию. Рывком разорвал тунику, открывая спину до пояса. Марцию показалось, что девчонка качнулась на слабеющих ногах, дрожала всем телом. – Хочешь, всё покажу? – Овидий поймал края разорванной туники, собираясь сорвать всю одежду со спины, но Марций остановил его:

– Хватит! Я согласен, я беру её...

Он выводил её за собой, а толпа в палатке шумела, все получили изрядную порцию удовольствия. Уже в полумраке по пути к себе Марций сбросил с себя плащ и кинул его девчонке, обернувшись назад. Приказал:

– Прикройся!

– Спасибо... – прошептала она, закутываясь в плащ, дрожала всем телом от пережитого. – Я... Я... – голос её сорвал-

ся, она опустила голову и, наверное, заплакала.

– Пошли! – Голос Марция был резким, ждаться он не стал. Пошёл первым, она – следом. Одной рукой держала плащ у горла, второй – ниже пояса, чтобы ноги не выглядывали.

Удивленный раб смотрел на хозяина, когда он вел за собой девушку.

– Господин?..

– Слушай меня внимательно, Гай, она пока будет жить с нами. Я сейчас схожу к трибуну, а ты за это время отмой её и найди какую-нибудь одежду... Когда вернусь, я буду ужинать.

– Хорошо, господин.

Когда он вернулся, было уже поздно. Он и забыл, что теперь у него есть ещё и рабыня, женщина, сходу начал раздеваться, расстёгивать ремни кирасы. На помощь бросился Гай.

– Ужин я приготовил, господин... – Марций согласно кивнул головой. – Она помылась, я дал ей вашу тунику из старых...

Она?.. Ах, да! Поморщился.

Обернувшись, мужчина увидел её. Она сидела в углу, подтянув к груди колени, ещё сырые волосы тяжёлыми чёрными прядями лежали на плечах. Отмылась. Симпатичная девочка. Молодая. И явно не рабыня.

Почему он подумал тогда, что она рабыня? Одежда смутила? Тьфу ты!

Сейчас на ней его же серая туника, короткая по-мужски, лишь до середины голени достает, открывая изящные лодыжки. Чем он думал, когда взял её?.. Сделать наложницу? Продать? Да кто её купит по такой цене как досталась?

– Что ты умеешь делать? – спросил, пока Гай снимал нижнюю рубашку, что носилась под кирасой, с тонкими ремнями – юбкой птеригами.

Девушка вздрогнула, поднимая голову:

– Я? – Растерянно поджала губы, пожалала плечами. – Я не знаю, что вас интересует.

– Умеешь ли ты варить есть? – Отрицательно повела подбородком. – Шить? Убираться? Ткать? Может быть, ты знаешь какие-то ремёсла: гончаришь, шьёшь одежду?.. Что-то же ты должна уметь делать, ну?

– Я не умею делать всё это, я никогда этим не занималась.

– А что ты умеешь? Как ты жила до этого дня? Кто тебя кормил?

Она пожалала плечами без ответа. Марций подошел к ней и опустился на колено рядом, смотрел в упор в лицо, в тёмные настороженные глаза, спросил тихо:

– А как ты собираешься зарабатывать себе на жизнь? Кто тебя будет кормить теперь, когда ты осталась одна? Я? Чем ты будешь зарабатывать? – Он вдруг толкнул её назад, она упала спиной на полог, отделяющий комнаты палатки, разжала колени, лоя равновесие. А центурион неожиданно вдруг сжал её пальцами между ног, заговорил негромко, –

Этим, да?.. Этим теперь ты будешь зарабатывать?

Рабыня глядела на него ошарашенными глазами, с болью в больших чёрных зрачках, разомкнув губы, выдохнула:

– Мне больно...

Он убрал руку и поднялся на ноги. Девушка заговорила срывающимся голосом, подтягивала тунику на сомкнутые колени, притискивала ноги к груди:

– Я буду делать всё, что вы скажете... Я научусь. Я быстро учусь... Я буду шить, варить и убираться. Только не заставляйте меня... – Она осеклась, опуская глаза.

Марций усмехнулся, поглядел на её руки, на пальцы, которыми она оттягивала вниз подол туники. «Какие руки. Только ласкать...» Да, такими пальцами только мужчин ласкать. Овидий знает, про что говорит...

– Гай! Давай ужин!

Раб поставил столик с приготовленным ужином, поставил трипод.

Марций ел, не обращая внимания на рабыню.

– Это значит, что вы не отпустите меня?.. – спросила вдруг рабыня негромко.

Центурион замер, повернул голову, встречаясь с девушкой глазами, ответил:

– Нет. – Она вскинула брови на его ответ. – Я уже сделал это однажды, а ты не сумела этим воспользоваться...

– Кругом было столько легионеров, я только успела выйти за город... Меня догнал патруль...

– Какая мне разница? – перебил он её, отбрасывая в миску объединенную кость. – Сейчас ты стоишь денег, больших денег, и я ещё подумаю, как вернуть их обратно...

– Вы так сильно цените деньги? – на этот раз уже она сама перебила его, и этим вызвала удивлённый взгляд тёмных глаз центуриона.

– А вот этого делать не надо!

– Извините... – Она склонила голову, закрываясь стеной волос.

– Мне безразличны деньги до тех пор, пока они не мои, и не только деньги! – Он помолчал, вытирая руки о льняную салфетку, развернулся к рабыне всем телом. – Ты спала с Овидием? – Девушка вскинула голову, сверкнув глазами. – Можешь не отвечать, я и так знаю, что да. Овидий не пропускает ни одной женской юбки. Он хвастался, что за одну ночь изнасиловал в Нуманции пятерых женщин... Врёт, конечно, но даже если и добавил две...

– Спать подразумевает добровольное согласие обеих сторон... – Она опять перебила его.

Марций согласно покачал головой:

– Хорошо, я могу переиначить, сказать по-другому...

– Не надо, прошу вас. – Она болезненно поморщилась. – Не надо...

– Если он брал тебя силой, и ты, по твоим же словам, сопротивлялась, то я не увидел на твоём теле ни одного синяка, и я не один, тебя многие разглядывали...

Девчонка поперхнулась собственными словами, ничего не сказала, только убрала упавшие пряди волос с шеи, открывая горло, и Марций увидел чёткие точки синяков от пальцев пятерни. Овидий держал её за горло, поэтому и показывал только спину.

– Вот сволочь! – Марций поднялся резко. «Конечно же, ему жалко денег, которые он переплатил за порченный товар», – подумала девушка про себя.

– Теперь вы вернёте меня обратно? – Холодный вопрос, и он ставил его перед выбором: что дороже? Деньги или она?

– Нет!

– Что вы со мной сделаете?

– Я ещё подумаю. В будущем ты будешь стоять дороже, к тому же многие тебя сегодня видели, а фантазия у мужчин бурная...

Она снова поперхнулась воздухом и отвернула лицо, помолчала и разомкнула губы:

– А я-то думала, что вы – благородный человек.

– Не по отношению к рабыням.

– А к женщинам, детям, старикам разве вы не испытываете сострадания?

– Я – военный, мне незнакомо сострадание вообще. Я убиваю, если получаю приказ.

– Но вы же отпустили меня! Почему?

Он пожал в ответ плечами и ответил ей:

– Наверяд ли это сострадание...

– А что это?

– Да кто его знает...

Марций опять сел на трипод и вытянул ногу.

– Развяжи мне калиг! – Это был приказ.

Девушка поднялась со своего места и подошла, опустилась перед центурионом на колени, стала распутывать шнуры солдатского сапога, но узлы были настолько тяжёлыми, что она лишь сломала ноготь и отстранилась, безвольно склонив плечи.

– Ты ни на что не годна. – Поймал её за руку, сжал девичьи пальцы в кулаке, поднося к лицу. – Такими руками только знаешь что делать?.. Мужчины были бы довольны... Ты даже простого сделать не можешь!

Отбросил её руку, сам развязал узлы и освободил первые несколько звеньев петель, заговорил:

– Если попытаешься сбежать – найду сам лично, за себя не ручаюсь. Женщин бить не в моих правилах, но если я это сделаю, грубость Овидия покажется тебе лаской... Сбежишь второй раз – поймаю и отдам солдатам... Будет хуже смерти, это я тебе обещаю... – Девчонка отстранилась в сторону, словно её уже ударили. – Будешь делать всё, что я скажу! – Распутал остальные шнуры и взялся за другую ногу, говоря одновременно: – По лагерю чтоб не шарилась, из-под легионеров я тебя доставать не собираюсь, попадёшь в их руки – можешь не орать, всё равно не отпустят... – Поднял голову, посмотрел в упор. – И никогда не перебивай меня. Ты меня

поняла? – Она молчала тревожно, нахмуренно. – Я не слышу!

– Да...

– Громче!

– Я поняла вас!

– Ну вот и хорошо! Понятливая... – Он освободился от калиг и поднялся. – Поешь и ложись спать.

Всю ночь она не могла заснуть, ворочалась с боку на бок, боясь, что новый хозяин придёт к ней, она прислушивалась, настороженно приподнимая голову от подушки. А утром узнала, что он уже ушёл, и заснула как убитая.

* * *

Он вернулся только к обеду, застал её за расчёсыванием волос и замер, глядя на её руки: спующие в прядях тонкие пальцы.

Из-за полога показался невольник-старик, засуетился с обедом.

Центурион буркнул:

– Чем занимаешься там?

– Да-а... – отмахнулся раб, подставляя столик с обедом. – Решил зашить вашу тунику, крепкая ещё, жалко выбрасывать...

Вскинул тёмные брови, вопросительно глянул на раба, перевёл взгляд на рабыню в углу:

– Ты теперь не один, подключай к работе, пусть делает всё, что скажешь... Спит, наверное, до обеда. – Почувствовал на себе взгляд девичьих тёмных глаз, пропускающих неприятие через упавшие волосы. – Мыть что надо, варить, стирать – используй!

– Да вы что, господин! Посмотрите на неё! Какая с неё работница? Только и следи за ней, чтоб чем не порезалась или иглой не искололась... Ничего же не умеет... Девочка ещё!

– Девочка! – Он усмехнулся. – Знаем мы этих «девочек»... С виду ничего, а чуть что, – сразу в рёв... «Как вы можете?»

Рабыня выпрямила спину, убирая обеими руками волосы с лица, глядела прямо, с вызовом.

– Послужи-ка мне за столом! – приказал.

Девчонка поднялась и подошла, собирая волосы на затылке в узел. Выглядела она значительно лучше, чем вчера. Отдышалась и помылась, выспалась, прямо красавица.

Марций следил за ней, снимая рыбу с кости, а рабыня в это время налила ему в кубок вина, разбавленного водой, вложила в протянутую руку салфетку, следила и сама за ним, открыто, не скрываясь. К такому он не привык.

– Как тебя зовут? Или мне звать тебя испанкой?

– Почему испанкой? Мои родители из Рима! Я Ацилия!

У неё даже в голосе вызов. Всё меняется при свете дня. Марций нахмурился, вспоминая:

– Ацилия?.. Ацилия... Уж не того ли самого Ацилия дочь, сенатора, что изгнали из Рима?

– Того самого.

Он присвистнул, вскидывая голову, стал рассматривать пристально. Ведь чувствовал, что что-то не то... Дочь сенатора. Ничего себе!

– Теперь понятно, почему ты ничего делать не умеешь, всю жизнь пальцем о палец не ударяла! Слуги и рабы, няньки и повара... Так? – Она молчала, глядела сверху. – А теперь жизнь повернулась, всё стало по-другому, а ты своими ручками и делать ничего не научилась, ничего не умеешь, даже иглу держать! Так? – Он поймал вдруг её руку за запястье, потряс кистью в воздухе. – Папа-мама лелеяли доченьку, думали найти богатого жениха, а оказалось?.. – Усмехнулся, показав белые зубы. – Шлюха, рабыня гарнизонного центуриона...

– Хватит! – Она вырвала руку резко и спрятала за спину. – Моя мать умерла сразу же, как родила меня, я даже не видела её ни разу...

– Значит, отец тебя изрядно баловал, даже не показал, как добывают в этой жизни кусок хлеба...

– Не трогайте моего отца! Он был благородным человеком, в отличие от вас! – Она вспылила и с грохотом поставила глиняный кувшин на столик, вино плеснулось на столешницу. – Извините... – прошептала виновато.

– Твой отец был сенатором, а я всего лишь центурион,

я честно выполняю приказы, а его – выгнали из Рима. Где справедливость? Правда?

Она дёрнула головой с вызовом, вскинула подбородок, и волосы её, распутавшись, посыпались по плечам чёрной блестящей волной, завораживая, приковывая взгляд. Ацилия торопливо собрала их, закинув руки назад, стала скручивать в тяжёлый жгут, чтобы снова спрятать. Многие говорили ей о красоте волос, и этот тоже сказал:

– Тебе нужно обрезать волосы, иначе ты по полдня будешь их только чесать и мыть, или тебе купить ещё пару рабынь – ухаживать за тобой? – Усмехнулся небрежно, допил вино из кубка и поднялся.

Ацилия следила за ним со своего места, растерянно хлопая ресницами, шепнула:

– Я никогда не отрежу их, я растила их всю жизнь...

– А мне всё равно, как я скажу, так и сделаешь.

– Нет...

– Что? – Он прямо глядел ей в глаза. – Повтори ещё раз. –

Она опустила голову, пряча глаза. – Что это ещё такое? – Отвернулась, покусывая губы. – Вот так-то лучше.

Он направился к выходу, захватив свой плащ.

– Господин? – она сама позвала его.

Центурион обернулся молча.

– Я... У меня есть родственники в Риме... Двоюродный брат, он любит меня, как родную сестру... Если вам так нужны деньги, если вы так цените их, позвольте мне написать

письмо в Рим, он приедет, он выкупит меня за любые деньги...

Марций смотрел на неё, склонив голову к плечу.

– Нет.

– Почему? Ну, почему? Почему – нет?

– Нет и всё! – сказал как отрезал, развернулся уходить и крикнул вдруг напоследок, – Гай, отдай ей шитьё! Вечером приду и проверю!

Ацилия только устало прикрыла глаза.

Вечером он пришёл и сразу же спросил:

– Покажи, что сделала.

Ацилия подала ему зашитую тунику, он покрутил одежду, посмотрел шов, вскинул глаза:

– Ты думаешь, я буду это носить? В таком вот виде?

Рабыня пожала плечами, пряча руки под складочки своей туники, шепнула:

– Я только учусь, в следующий раз будет лучше...

– А мне в следующий раз не надо. Возьмёшь и перешьёшь... – Бросил тунику ей в руки.

– Опять? Это как? Ведь зашито же... – попыталась протестовать и заспорила, но центурион только вспылил, забрал тунику и снова разорвал её по шву. Девчонка только удивлённо захлопала ресницами.

– Перешьёшь ещё раз, я в таком ходить не буду. Сделаешь плохо – будешь делать ещё раз, и ещё, и ещё, если надо будет.

Он ужинал, а Ацилия сидела, шила. Старалась на него не глядеть, да он и не замечал её, разговаривал со своим рабом.

Она досидела допоздна, все уже спали, но на следующий день она оставлять не хотела, психовала, исколола себе все руки, ругала его. Подняла глаза и заметила, что центурион на неё смотрит, смутилась.

– Гаси свет и ложись спать.

– Я сначала доделаю.

Ничего больше не сказал, ушёл. Утром проверил её работу, покачал головой:

– Ладно, пойдёт... – Заметил, как она прячет левую руку за спину, и поймал её за локоть, перехватил запястье, поднося к лицу. Девчонка упёрлась, потянула руку. Исколола указательный палец до крови. Оттолкнул её руку, ругнувшись, – Белоручка.

Так и пошла её жизнь. Ацилии приходилось включаться в работу; она прислуживала за столом, помогала снимать сапоги, одеваться и раздеваться по утрам и вечерам, зашивала одежду. И всё равно маялась от скуки, благо, что хозяин совсем забыл про волосы, и Ацилия боялась ему напоминать, прятала их под лёгкую косынку, укладывала на затылке длинными шпильками.

Первые дни она боялась каждую ночь, что он придёт, ждала и нервничала, иногда плакала от страха, но он ни разу за все эти дни не перешагнул грани, ни разу не попытался воспользоваться ею как женщиной. Станный какой-то.

Но Ацилия от этого только отдыхала. Он ходил по палатке по утрам, когда просыпался, приходил на обед, ужин, всё остальное время он появлялся редко, Ацилия все дни оставалась одна. Иногда центурион уходил на ночь на дежурство, и тогда она отдыхала от нервного напряжения.

В тот день она особенно устала от тоски и одиночества и решила нарушить приказ и выйти на улицу. Вынесла трипод, принесла шитьё и села на солнце. Научившись более-менее шить, она решила из двух старых туник мужских сшить одну длинную, похожую на женскую. Для себя.

Она проработала уже довольно порядочное время, так увлеклась, что не сразу заметила, что рядом кто-то стоит и закрывает ей солнце. Ацилия вскинула голову и замерла. Это был мужчина. Военный. И, судя по всему, центурион: формой такой же, как и её хозяин. Стоял и смотрел на неё вызывающе, похлопывая виноградной тростью по раскрытой ладони.

– Вам что-нибудь нужно?

Он молчал, и Ацилия уже думала, что он не ответит ей. Но он усмехнулся в короткую бороду:

– Так это ты – новая рабыня Марция?

Ацилия замерла, прищуривая глаза, рассматривала его. Высокий, сильный, с широкой грудью, с мощными плечами и руками, большая голова без шлема, короткие рыжие волосы и синие глаза. Веяло от него какой-то животной необузданной силой, она почувствовала, как в животе шевельнулся

страх. Разомкнула пересохшие губы, шепнула:

– Да, а что?

Он подошёл ещё ближе, и у Ацилии задрожали руки.

– Где Марций?

– Я не знаю...

Усмехнулся:

– Ты рабыня и не знаешь, где твой хозяин? – Он убрал трость за пояс и подошёл ещё ближе.

Ацилия зажала в кулаке иглу с ниткой и поднялась навстречу, держала шитьё в левой руке, смотрела снизу спросила:

– Что вам нужно? Я же сказала, что не знаю... не знаю, где он...

– Что ты нервничаешь? Почему вся дрожишь? – Он обошёл её по кругу и встал за спиной, склонился к уху, шепнул, – Ты что, боишься меня?

Ацилия вскинула подбородок, отвечая:

– Что вам надо? Вы спросили меня, где... я ответила вам, что не знаю... Что ещё вам от меня надо? – Она смотрела прямо перед собой, а он – на её подрагивающую жилку под подбородком.

– Ты боишься! Девочка! – Его ладонь легла на её шею, охватывая с двух сторон, под большим пальцем забились вена, зашептал в ухо, – Милая моя, боишься... Да ты, верно, девственница ещё... Невинная девушка...

Ацилия дёрнулась от него, но его ладонь не пустила её,

ещё больше – он притянул её к себе спиной, второй рукой обнял за талию, а вторая – с горла – обхватила её до плеча, и теперь горло её было у него в локтевом сгибе.

– Пустите... – Она уже уронила шитьё, дрожала всем телом и голосом.

– Я слышал, что ты была у Овидия. О-о! – Усмехнулся. – Он у нас знаменит! Любит хвастать своими бабами... А что это ты? Ведёшь себя, как невинная девочка, ты такая и есть? Скажи мне... – шептал в ухо горячим дыханием, и заросший подбородок его колот шею и щёку, а виноградная трость впи-лась под ребро.

– Отпустите... – Ацилия дёрнулась, вцепляясь в его руку на поясе, как в камень-валун – не сдвинуть!

– Ребята расхваливали тебя, но ты лучше... Девочка моя, такая сладкая, как медовый сот... Что это Марций бережёт тебя?.. Овидий уж не знаю, может, пьяный был, а Марций так у всех нас вызывает сомнения... По девкам не ходит... Может, ему лучше мальчики, а? Как ты сама думаешь? Или он у нас вообще неспособный? Что у тебя с ним? Всё нормально?

Ацилия снова дёрнулась, но сумела лишь чуть-чуть отвернуть голову, центурион хмыкнул в ухо, продолжая:

– Ничего у тебя с ним, верно? Ты же девочка... Я это вижу... Скучно с нашим Марцием... Ты смотри, что же скучать лишний раз, давай я тебе его заменю, тебе понравится, вот увидишь... А Марций?.. Да на него только рукой махнуть, неспособный... Такая красота пропадает, посмотри... – Его

рука с талии поднялась выше, легла на грудь, больно сжимая сильными пальцами.

И тут Ацилия уже не выдержала, в немом приступе человеческой ярости и бессилия рванулась так, что сумела освободиться. Нырнула под его руку в сторону бросилась от него и развернулась к центуриону лицом, хрипло дыша.

– Ух, ты! – засмеялся центурион. – Какая ты у нас... Похвально-похвально, я люблю таких... Горячих, как пряное вино! Да Марций себе такой самоцвет приобрёл... Да только он ему не по зубам... Ищи себе любовника посильнее да покрепче, тебе только такой нужен, как я...

– Вы с ума сошли! – Ацилия поправила на себе платочек, скрывающий волосы – сбился, пока вырывалась. – Оставьте меня в покое...

– Это ты зря, зря... Марций тебе не подходит – мальчишка... Что он вообще может? А тебе надо мужика крепкого...

– Уходите, прошу вас... – Ацилия дрожала всем телом, хрипло переводя дыхание. Не успела и глазом моргнуть, как он оказался снова рядом, сжал за локти, вжимая их в бока с болью, притянул к себе, пытался поцеловать в губы, но рабыня, скривившись, отвернулась, прижимая подбородок к ключице, он поцеловал только в горячую щеку.

– Я буду кричать... – выдохнула хрипло.

– Здесь многие кричали и кричат... Пошли в палатку, а с Марцием я потом договорюсь...

Девушка вскинула голову с огромными глазами, с расте-

рянностью на лице. Он уже поверил в её согласие, а зря, – она крутнулась, ударила его руками в грудь, ладонью по щеке и метнулась в сторону.

Центурион закричал, схватившись за щёку:

– Ах ты шлюха! Сучка... Что ты наделала? Да я тебя... – Вытащил из щеки иголку, показалась кровь. Свирепо сверкнул синими глазами. – Да ты... Ты дура, что ли? Чем ты соображаешь?.. Ну ничего... – Он мстительно сузил глаза, подбирая с земли её головной платок, она потеряла его, когда вырывалась; волосы рассыпались по плечам, а в кулаке Ацилия держала две острых шпильки.

– Не подходите ко мне... Я смогу ударить... Потом ни одна женщина не посмотрит в вашу сторону...

– Ну ничего... – Он стирал со щеки выступившую кровь, пряча за пояс платок рабыни. – Я ещё подумаю, как отомстить тебе, как тебя ударить побольнее... Уж кто-кто, а я-то ТАМ у тебя буду, вот увидишь... Посмотрим.

– Уходите!

Держась за щёку и ругаясь сквозь зубы, он ушёл. Ацилия обняла себя за плечи и попыталась унять дрожащее тело. Как этот говорил тогда, хозяин её: «Попадёшь в руки солдат, можешь не орать, всё равно не отпустят...»

Вечером пришёл Марций, нахмурился, увидев её без платка, с просто уложенными на голове волосами, непривычно показалось ему, но ничего не сказал.

– Эй, Марций, всё хотел тебя спросить...

– Спрашивай... – Марций поморщился, поворачивая голову к центуриону Лелию, и уже внутренне приготовился к восприятию рыжего голубоглазого лица. Они давно уже конфликтовали друг с другом, пытались задеть при всяком удобном случае, потому что были прямой противоположностью друг другу.

– Я слышал, у тебя появилась рабыня...

– Ну и что? При чём тут ты?

– Я её видел. Ничего девка, горячая...

Марций старался держать себя в руках, но ощущал, что сегодняшняя вечерняя встреча может закончиться неприятностями. Чувствуя накаляющуюся обстановку, легионеры подтягивались со всех сторон. Любопытные.

– И дальше что? – Марций вызывающе вздёрнул подбородок.

– Я тут подумал на досуге, зачем она тебе вообще нужна? Что она у тебя делает? Ты ведь не используешь её по назначению... Правильно я говорю? – Он засмеялся, работая на публику, огляделся на лица окружающих. – Я ведь правильно говорю?

– Какое тебе дело, Лелий?

– Ха-ха-ха! Да я прав! Ты даже не спишь с ней! Зачем она

тебе? Для чего? Отдай её тем, кто знает, что делать с женщиной... – Марций наклонил голову, глядя на собеседника исподлобья, от волнения тёмные волосы прилипли ко лбу и к вискам. – Слушай, Марций, может, – он усмехнулся, обнажая белые крупные зубы в ухмылке, – я знаю, есть такие уроды среди мужчин, хотя, даже не знаю, можно ли их называть мужчинами... С натяжкой...

Марций бросился к нему, скрипнув зубами, что аж в ушах зазвенело, но кто-то из деканусов удержал его за локоть, успокаивающе зашептал рядом.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Лелий. – Сегодня будет жарко!

– Отвали! – Марций пытался всеми силами обуздать, деканус удерживал его с трудом, начали подтягиваться другие. В любой момент столкновение могло перерасти в драку.

– Я её видел и даже пощупал немножко... – Многозначительно изогнул рыжие брови. – Она девственница, Марций! Девочка... Ты держишь у себя под боком девушку... Может, ты не знаешь, что с ней делать?.. Ты меня позови, я тебе покажу! Даже научу немножко!.. А то ты так и помрёшь в незнании... Бедная душа! Честное слово...

– Лелий, успокойся, чего ты взялся сегодня на ночь глядя? – вмешался ещё один центурион, но Лелий даже взглядом его не удостоил; сейчас перед ним было лишь бледное покрасневшее на скулах лицо центуриона Марция.

– Признайся, сколько девок ты попортил в Нуманции за эти три дня? – Усмехнулся пренебрежительно. – Да отдам

своё жалование – ни одной! Зачем ты тогда у себя её держишь? Продай её мне! Она – девочка, Марций, я даже накину тебе за это лишнюю сотню, а? Давай, договоримся!

– Да пошёл ты!.. – Марций дёрнулся в руках державших его людей, закричал, – Да что вы держите меня? Вы лучше его держите!

– Ха-ха-ха! – расхохотался Лелий. – Молодой петушок залетел на забор!.. Подождите, ребята, сейчас он начнёт кукарекать!.. Да, сдаётся мне, эта курочка не для тебя, ты у нас вообще какой-то расслабленный... А, может, ты неспособный? Может, ты не можешь, а?..

Марций сбросил с себя всех, кто пытался его удержать, в мгновение оказался рядом, сбивая последние слова с губ обидчика коротким сильным ударом кулака. Лелий опомнился, одним махом двинул в ответ, а второй рукой – под дых, выбивая воздух из лёгких. Марций упал на колени, от неожиданности, конечно, драться с Лелием один на один – сплошное безрассудство! Не давая опомниться Лелий, ударил ногой сверху по лицу, и Марк упал на локоть, но в падении, уже больше на инстинкте, толкнул противника в ноги. Тот в пылу драки не удержался и рухнул на колени, Марций бросился на него, начал бить по голове кулаками, но тот лишь заворочался на земле, мотая огромной рыжей головой, словно всё ему нипочём – провёл короткий удар в грудь, больше дистанция не позволяла. Марций осел на землю, прижимая руки к груди, а Лелий, обхватив его рукой за

горло, сдавил руки в замок, удобно укладывая подбородок противника на локоть. Зашептал на ухо поверженному врагу разбитыми губами:

– Всё равно она будет моей... Рано или поздно... И ты сам увидишь это... из нас двоих... она... она меня предпочтёт... И я у неё буду первым... Я первым возьму твою рабыню, а ты останешься с носом. Ведь это всё, что у тебя есть... – Усмехнулся, сжимая локоть, и Марций захрипел, задыхаясь кровью.

– Лелий! Лелий, ты что? Ты же задавишь его! Остановись! Что ты делаешь? Что делаешь?

Подлетевшие легионеры и офицеры начали разнимать их, растягивать тиски рыжего центуриона. Показался трибун:

– Драку устроили! А ну как палок всем прикажу выдать! Это что такое? Прекратить!

Лелий поднялся сам, а Марция подняли деканусы. Он стоял, стирая кровь с разбитого калигом лица, шипы сапога сорвали кожу на щеке и на подбородке.

– Это кто здесь у нас такой? – Трибун вышел в свет горящих костров. – Марций? Лелий? Центурионы? Вы что, с ума посходили? Какой пример для подчинённых! Сейчас легату доложу, и получите палок!.. Что, Марций, совсем пьяный, что ли? – Смотрел прямо в глаза, но центурион выдержал взгляд, даже жестом не ответил на вопрос. – Пораспустились! Чем соображаете? – кричал, а сам смотрел на Марция.

Все молчали, лишь когда трибун ушёл, загомонили, разводя оппонентов в разные стороны.

– Если бы не трибун, Марций... – подал голос Лелий. – Я бы тебя удавил...

– Всё-всё, успокойся... Хватит! – Деканусы отвели его в сторону, подальше в темноту.

Марций стоял, опустив гудящую голову, смотрел в чёрную землю, сжимая виски кулаками.

– Ну, как ты? – спросил центурион Фарсий. – Всё нормально? До себя доберёшься? – Марций качнул головой. – Придёшь к себе, помоешься, отоспишься, и всё будет нормально... Сегодня не дежуришь? – Снова покачал головой. – Ну вот и хорошо! Иди!

«Будь проклят тот день, когда ты появилась у меня!...»

Ацилия и Гай встречали его с огромными глазами удивления и ужаса.

– Господин... – запричитал старый Гай, видя кровь, рабыня, ошеломлённая, стояла рядом со светильником в руке, возвышаясь над сидящим на трипode центурионом.

– Дай воды! – приказал, и раб метнулся на улицу. На Ацилию он не смотрел намеренно, стирая из-под носа выступающую кровь, она шла быстро и капала на пыльную кирасу и тунику у горла.

– Вы голову запрокиньте...

Но он лишь бросил на нее короткий, пренебрежительный взгляд, и Ацилия поджала губы, решив про себя, что больше

не скажет ни слова.

Вернулся Гай с бронзовой миской в руках, стал мокрой тряпкой стирать кровь с лица господина.

– Отдай ей!

Ацилия задрожала, не зная, как это делать, неловкая, несмелая. Он морщась отодвинул её руку и прямо глянул снизу вверх, выговаривая:

– Ты вообще ничего не умеешь!

– Извините... – Она опустила руку и отвернула голову, стараясь на него не глядеть.

– Ну?..

Она вздрогнула и качнулась на ногах.

– Я боюсь сделать вам больно...

Он усмехнулся, сверкнув в полумраке тёмными глазами:

– Больше, чем есть, уже не будет...

Её осторожные пальцы аккуратно касались его лица, поворачивали голову за подбородок, Ацилия мягко обмыла все сбитые шипами калига раны, промывала тряпку в тазу у Гая в руках и собирала вновь выступающую кровь. Марций сидел с запрокинутой головой и всё это время пристально наблюдал за её лицом – бледные щёки, горящие глаза, поджатые губы, волосы выбились из-под платка и вились на висках.

Всё из-за неё!

Зачем ты взялась на мою голову!

– Господин, надо вызвать врача... – предложил Гай негромко.

– К Плутону! – Дёрнул головой раздражённо.

Ацилия убрала руки и отстранилась. Гай ушёл на улицу уносить воду. Ацилия собралась отойти подальше, но Марций поймал её за руку, не дал ей этого сделать, она обернулась, глядя удивлённо на своего господина. Но он уже поднялся на ноги и, выкручивая её запястье, притянул рабыню к себе. Она закрылась локтем, упёрлась им ему в грудь, отворачивая лицо, подставляя щёку, смотрела искоса снизу. Хрипло дышала.

– Ты нарушила мой приказ!

– Какой?

– Я приказал не шариться по лагерю!

– Я и не ходила... Зачем мне?

– Лелий тебя видел и даже лапал!.. Где?

– Я не знаю никакого Лелия...

– Врёшь! – Притянул её к себе, и локоть её упёрся в ребро, выбивая кашель, но он сумел сдержать его на время.

– Я всего один раз выходила... была здесь, рядом... Никуда я не ходила, честно...

– Так он что, к тебе сюда приходил?.. Может, ты уже и спала с ним на моей постели? – Его пальцы сильнее сдавили запястье, и Ацилия, сверкнув глазами возмущённо, повернула к нему лицо.

– Да вы что?.. – смутилась, встретившись взглядом. – Никто ко мне не приходил, никуда...

– И ни разу не трогал? Нигде?

Она опустила голову, прошептала:

– Рыжий...

Он схватил её за второе запястье и встряхнул, глядя прямо в лицо, выдохнул возмущённо:

– Был! Значит, был... Лелий! И лапал тебя!

Она в страхе глядела ему в глаза, стараясь не замечать сinya под глазом и сбитых ссадин на щеке, прошептала:

– Мне больно...

– Продать тебя ему? Хочешь?

Она замотала головой, все слова застряли в горле. И тут центуриона пробрал кашель, болезненный, отрезвляющий. Отвернулся, толкнув девчонку от себя. Ацилия споткнулась и упала на колено, но поднялась быстро и оглянулась на него. Он всё ещё кашлял, держась руками за грудь, прямо через ремни кожаной кирасы. Сказывались кулаки Лелия.

Подлетел Гай, ухватился за локоть:

– Господин, господин, надо врача вызвать...

Центурион замотал головой, шепча:

– Толку?.. Чем он мне поможет?

– Что это с вами, господин, что случилось-то?..

– Да-а... С Лелием... подрались... – Глянул на Ацилию хмуро.

– С центурионом Лелием? Ух-х... – Старик стал помогать снимать кирасу, расстёгивать ремни, стянул через голову тунику, забрызганную кровью. Всё это время центурион покашливал, держась за рёбра.

Ацилия впервые рассмотрела центуриона. Он был выше среднего роста, атлетического телосложения, но, в отличие от рыжего Лелия, был суше, легче, изящнее даже. Темноволосый. От шеи и по груди тянулся тонкий светлый шрам. Ацилия глядела на него, пока центурион не бросил ей в лицо свою тунику, что Гай помог снять через голову, приказал:

– Постираешь...

Она еле успела увернуться, не сводя с него взгляда, он был лишь в кожаной юбке, подвижный, но переживающий боль, и губы его дрожали от этих переживаний, а он думал, что она этого не видит.

Гай набросил на плечи господина тёплый сухой плащ, всё что-то причитал по-стариковски, говорил о враче, увёл центуриона к нему за полотняную перегородку. Ужинать он отказался, только сдался требованиям раба и выпил горячего молока с мёдом. Ацилия всё это время стояла неподвижно, потом подобрала с пола грязную тунику.

«Подрались из-за чего-то... И что мир не берёт?.. Все мужчины одинаковые... Дерутся, а другим расхлёбывать...»

Посмотрела на грязную тунику в руке и вздохнула.

* * *

На следующий день Гай всё-таки вызвал врача, тот простучал грудную клетку, заверил, что переломов нет, но два дня запретил чем-либо заниматься, только отдыхать.

В эти два дня Ацилия оказалась с хозяином на одной территории и очень тесно, пыталась избегать, но столкновения были неизбежны.

Он придирался, о чём-то спрашивал, недовольно качал головой, кривя губы, критически осматривал выстиранную тунику и, конечно же, потребовал перестирать.

Когда он занимался составлением приказов, писал письма, она отдыхала. Сидела в своём углу у входа, перебросив через плечо волосы, расчёсывала их костяным гребнем.

Центурион подошёл вдруг и встал рядом; Ацилия опустила руки, гребень сверкнул в полумраке светильников отбеленной костью; смотрела в лицо хозяина с тревогой: что ещё ему надо?

– Я с тобой поговорю? Ты не против? Или у тебя слишком важное занятие?

Ацилия смутилась, перекинула волосы за спину, а пальцы сами собой нащупали в складочках одежды на полу острые деревянные шпильки.

– Я слушаю вас...

Он присел на полу на согнутую ногу, один кулак положил на колено подогнутой ноги, вторым упёрся в пол.

– У меня возникли вопросы и сомнения, я хотел бы их разрешить...

Ацилия осторожно облизала пересохшие губы.

– Человек, мнение которого я не оспариваю, в этом, конкретном вопросе... И Овидий – тоже... У них двоих разные

мнения... – У Ацилии задрожали пальцы, ладони, она избегала смотреть центуриону в глаза, отводила взгляд в сторону. – Один мне сказал, что ты девушка, что мужчин у тебя ещё не было... А у Овидия я брал тебя сам... Если я не ошибаюсь, у тебя было платье м-м... разорвано... – Он развёл руками. – Да и держал он тебя за горло не за ради безделья... Так? – Смотрел прямо, и она, теряясь под его взглядом, поджала пересохшие от волнения губы.

– Спросите его сами...

– Я его ненавижу, – коротко и холодно ответил.

– В кости же вы с ним играете...

– Только потому и играю.

– Что вы от меня-то хотите? Что вам надо?.. Каждый кого-то не любит, даже ненавидит... Причём тут я?

Он вдруг резко выбросил руку, ту, что лежала на колене, качнулся навстречу, сжимая пальцы на её горле. Ацилия шарахнулась назад и упёрлась в полотняный полог – дальше некуда. Увидела его лицо совсем близко.

– Вот так вот он тебя держал? Да?

– Вы с ума сошли... – прошептала пересохшими губами, выдавливая слова.

– Я просто не люблю, когда меня держат за дурака. Не люблю, когда меня обманывают... Когда я думаю об одном, а получается всё по-другому.

– Я никого не обманывала... – Она не сводила с него глаз, смотрела прямо в чёрные зрачки, а пальцы ещё сильнее стис-

нули шпильки, до ломоты в запястье.

– Ты же спала с ним, да? – На этот раз прошептал уже он сам, ей в лицо, в глаза.

Ацилия замотала головой, вцепилась пальцами второй руки в его предплечье, попыталась ослабить хватку, шепнула чуть слышно:

– Отпустите меня...

– Я ненавижу Овидия... Глухой лютой ненавистью... Нет смысла говорить, почему... Ты – его женщина... Ты была его женщиной... Мне всё равно, как это происходило, всё равно, что ты делала... Хотела ты этого – не хотела... Главное, что это было... Ты была с ним, с пьяным, с трезвым – не имеет значения... Ты – его объедки... И я доедать их не собираюсь...

Он был так близко, лицо к лицу, а говорил эти страшные слова холодным шёпотом, что лучше бы, наверное, кричал, и Ацилия не выдержала – выбросила правую руку, метя в шею, как раз под нижнюю челюсть, чтобы наверняка.

Не зря он был военным, не зря был центурионом и учил молодёжь.

Тело тренированного бойца среагировало быстрее, чем мозг, – он блокировал удар левым предплечьем, но всё же из-за неожиданности, шпильки прошли насквозь через мякоть руки у локтя. А пальцы на горле Ацилии он так и не разжал. Поднялся, поднимая и её следом, сверкая чёрными глазами, притянул к себе плотно, выкручивая запястье за спину, при-

жался щекой к её щеке, вдавливая лицо рабыни в тунику на груди, как раз возле ямки между ключицами.

Ацилия только ахнула от испуга и неожиданности. А он спокойно и чётко, отделяя каждое слово, заговорил ей в ухо:

– Я же мог тебя убить, дура... Чем ты только думала... Сломал бы шею голыми руками... Ради чего...

Она замотала головой, освобождаясь, он отпустил её запястье за спиной, переложил ладонь ей на затылок, утопая пальцами в чёрных с медью волосах. Она дёрнула подбородком, поднимая лицо, попыталась отстраниться, но он не пустил, шепнула зло:

– Да, конечно, такие бы потерпели убытки...

Он только хмыкнул, скривив губы.

– Отпустите меня, я всё равно вам не нужна...

Несколько секунд он молчал, пока не понял, что она имеет в виду не сейчас, а вообще, оттолкнул вдруг от себя, опять в угол.

– Нет!

Ацилия упала на колени, взметнув волосы, и сквозь них глянула на него, прижав пальцы руки к надорванному горлу, сипло спросила:

– Почему? Я же не нужна вам! Зачем я вам? Для чего? – В её голосе звучало само отчаяние. – Позвольте мне... разрешите написать письмо в Рим... Меня выкупят... Вам вернут ваши деньги!

– Нет!

– Вы... Да вы просто... – Она готова была расплакаться, но смотрела упрямо. – Вы просто какой-то моральный урод! Жестокий и бессердечный... Какая вам разница? Какой вам интерес? Я же предлагаю вам деньги!

– Нет! – Он рывком вырвал из руки её шпильки, зажимая пальцами хлынувшую кровь, только губами дёрнул.

– Почему?..

– Знаешь, что ты заслуживаешь за это?

Она промолчала, глядя ему в лицо, а Марций сломал пальцами раненой руки деревянные шпильки, и этот звук заставил Ацилию вздрогнуть. «Сломал бы шею голыми руками...»

– Отпустите меня...

– Я никогда тебя не отпущу... Ни за какие деньги.

– Тогда я сбегу! – уже в раже выкрикнула она.

– Беги! Я всё равно поймаю... И отдам своим легионерам.

Ты ведь этого боишься? – Она промолчала, пряча лицо в падающих прядях волос. – То-то...

Развернулся и ушёл.

Ацилия закрыла ладонями лицо и расплакалась, стараясь сжаться как можно теснее.

* * *

На нём всё поразительно быстро заживало, как на собаке, через два дня он уже вышел в строй, а за это время даже

ни разу не заговорил с Ацилией, лишь взгляд мельком да безразличие из-под ресниц.

Она ненавидела его, за его упрямство, непонятное ей, за жадность в деньгах, за жестокость и чёрствость души ненавидела. И от этого ещё больше горела желанием вырваться, придумать хоть что-то, хоть как-то обойти его, пока не поздно.

Она хорошо помнила, где он хранил свои документы, и где стоял этот секретный сундучок, долго собиралась с мыслями, пока не спросила старика Гая:

– Ты случайно не знаешь, как отправляют почту из гарнизона?

– Это можно узнать... Вестники часто ездят в Рим с донесениями... Но они потребуют за это деньги...

Ацилия прищурила глаза, припоминая, в какое место она припрятала свои серьги с рубинами.

* * *

– А вы знаете, центурион, что по последним данным ваша центурия при взятии Нуманции потеряла больше всех? – спросил легат Валенсий, нахмурив седые брови.

– Нет, господин легат, я этого не знал.

– А зря... – Легат обошёл вокруг стола, закладывая большие пальцы обеих рук за пояс. – Зря! Вы как командир центурии, как никто другой могли бы это знать.

– Потери моей центурии исчисляются в основном ранеными, в легионе, даже в нашей когорте, есть центурии, где потери в убитых даже больше или равны потерям моей центурии...

– Да бросьте, Марций, несмотря на потери, эти центурии продолжают оставаться укомплектованными на 75 процентов... А ваша?

Марций дёрнул подбородком, медленно прикрыл глаза, смаргивая усталость.

– Нам придётся добавлять в вашу центурию молодёжь, новобранцев. Более, чем на 50 процентов. Разве это будет боеспособная центурия?

– Я обучу её. Вернутся раненые.

Легат усмехнулся, отворачиваясь, прошёлся опять за стол, глядя вниз. Его коротко стриженные седые волосы просвечивали, казалось, насквозь в свете горящего светильника. Легат любил вот так, сам лично, беседовать с подчинёнными, даже с простыми центурионами.

– Я начинаю сомневаться, сможете ли вы это сделать. Эта центурия уже попадала к вам, составленной в основном из молодёжи, и что? Вы не смогли её обучить, раз такие потери.

– Но, господин легат...

Командующий поднял руку, останавливая его:

– Наверное, мы поторопились, назначая вас центурионом, вы ещё не готовы стать командиром...

– Но, господин легат, выслушайте меня! – он порывал-

ся сказать и перебил командира, встретил укоризненный взгляд, но сейчас ему уже было наплевать на последствия. – Я получил эту центурию два месяца назад, она была только-только после укомплектования, там были одни новобранцы, сплошные гастаты! Мне даже не хватало триариев-ветеранов, чтобы учить их! Я сам с ними бился...

– Центурион, все это делают.

– Я знаю! Но, господин легат, никогда такую слабообученную молодёжь не бросают в самую гущу сражения! Они ведь даже не воевали ни разу по-настоящему! Я же говорил трибуну Фаску, когда получил приказ на наступление... А мы ещё и попали по приказу на сектор Главных Ворот – там же было самое ожесточённое сопротивление...

– Вы ставите под сомнения разработанный общим советом офицеров план наступления? План, утверждённый самим консулом Сципионом? – Марций опешил, в миг перегорев. Такого он не ожидал. – А не слишком ли для центуриона шестой центурии?

– Господин легат...

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы совсем умалчиваете о том, что ваша центурия бросилась грабить дома, не имея на это приказа, что по вашему разгильдяйству вы оказались застигнутыми врасплох... Это вы, центурион, не сумели организовать оборону, это вы распустили свою центурию... Разве вы можете быть командиром?

– Тогда наши потери были в большем ранеными, мы по-

теряли безвозвратно четырёх, а на Главных Воротах – сорок восемь!

– Перестаньте, Марций! Хватит! Хватит искать виноватых.

Центурион опустил голову поджимая губы, упёрся подбородком в кирасу.

– Мы соберём совет и решим, что с вами делать. Либо вас понизят в звании, вы станете шестым центурионом шестой когорты, либо вообще лишитесь этой должности... Вам не хватает опыта.

– А кому вы отдадите мою центурию?

– Посмотрим, какие будут предложения. Я буду выдвигать кандидатуру центуриона Овидия, его центурия хорошо себя показала и потерь совсем немного...

– Так там сплошные триарии! – Вскинул голову с огромными горящими глазами.

– Идите, центурион, идите... Юпитера ради!

Он шёл на подкашивающихся ногах, в груди всё кипело, как в жерле Везувия, глаза ничего не видели.

– Подождите! Центурион? – Обернулся, глянул исподлобья на легата, ничего не сказал. – Я тут хотел отдать вам.

– Что? – скорее машинально спросил.

– Я уже не стал это афишировать, но делаю вам предупреждение. – Центурион нахмурился, не понимая, в чём его обвиняют, а легат достал из сундука с документами запечатанное письмо, протянул центуриону. – Вы уж не используйте

официальную почту для частных нужд, или уж хотя бы приходите и ставьте официальную печать легиона... – Марций ошеломлённо глядел на письмо. – Может, у вас там какие-то слишком уж личные дела, не бойтесь, мои секретари личные письма не читают, а мне просто некогда этим заниматься... Сменили вестника – заболел, – а новый, перенимая почту, нашёл письмо без печати... Обратное имя ваше, центурион Марций.

Тот взял это проклятое письмо, крутил его, рассматривая почерк при тусклом свете – это не его рука! Что за шутки! Какой-то бред!

– Я не писал этого письма... – Поднял глаза на легата, наконец забыв про свою центурию.

– Ну уж не знаю! – Легат пожал плечами. – Разбирайтесь сами. Только не надо нарушать установленных правил. Всё, идите!

Уже на улице, в свете горящих костров, Марций сорвал печать без каких-либо знаков и развернул пергамент письма, поворачиваясь к огню. Его словно по лицу ударили, когда он понял, кто писал это письмо. Он выругался шёпотом, аж охрана оглянулась на него, и до своей палатки уже не бежал, а летел.

Она заплетала волосы, когда он влетел, как на крыльях, удивилась, опуская руки, смотрела огромными глазами. Он швырнул ей в лицо её письмо, а рабыня уклонилась, хмурия брови.

– Что это?.. Что... – Он тяжело дышал, испепеляя её взглядом чёрных глаз.

Ацилия посмотрела на своё письмо, брошенное на пол, подняла голову, упрямо поджимая губы, ответила:

– Вы думаете, я буду отпираться?.. Это моё письмо, это я его написала.

– Да ты... – Он, возмущённый её выдержкой, задохнулся от внутреннего содрогания. – Как ты могла? Где взяла... Да ты представляешь себе... – Замотал головой, не находя слов.

– Я всё равно буду стараться выбраться отсюда... Если вы не отпускаете меня сами, я всё попробую сделать без вас...

– Что? – Он вдруг схватил её за локти и притянул к себе, глядя прямо в глаза. – О чём ты говоришь? Ты ничего не соображаешь! Как ты можешь? Ты что, до сих пор не понимаешь, что ты – рабыня? Что ты вообще ни на что не имеешь права?

– Неправда! – упрямо повторила она прямо в его лицо. – Вы не имеете права держать меня, я не просто рабыня, как вы говорите, я – патрицианка... Вы не можете удерживать меня у себя... Вы должны вернуть меня родственникам. – Сузила глаза. – А вы даже не хотите продать... Интересно, что сказал бы ваш легат, если бы узнал, что вы держите у себя дочь сенатора?..

– Дрянь! – Он дал ей пощёчину, девчонка отдернулась, склоняя голову, зажмурилась, ожидая ещё одну.

Но Марций только руку поднял, замахиваясь, а ударить не

смог. Женщина! Ну не мог он ударить её... Не мог бить, хотя и виновата – без сомнения. Но злость ещё не прошла, он подтянул рабыню к себе, притягивая руку к груди, чувствовал сопротивление, сламывая его. Попытался поймать её за запястье второй руки, чтобы контролировать обе. Но девчонка на этот раз, озлётная его пощёчиной, не давалась, мало того – начала драться да так активно, что он не успел ничего сообразить и пропустил удар ладонью по губам, но потом сориентировался, отклонился в сторону, пряча лицо, и сумел поймать её руки за запястья. Она попыталась вырваться, выкручивая руки, но он держал её крепко, вывернув их ей за спину, притиснул её к себе спиной, заговорил в ухо:

– Ну ты даёшь... Ничего себе прыть.

– Отстаньте!

Эта возня начала заводить его, вдыхая её запах, видя, как подрагивают чистые вьющиеся волосы на её затылке, ощущая её сопротивление и даже чувствуя его пропущенной пощёчиной на губах, он понял вдруг, как давно у него не было женщины, настоящей, горячей, а не расчётливой продажной проститутки. Вот ведь... Да плевать на Овидия!

Он рывком развернул рабыню лицом к себе, прижал к груди, всё также держа за запястья, попытался поцеловать в губы, но девчонка гневно дышала, сопротивляясь и сверкая глазами, дёрнулась, отвернула лицо, и он коснулся лишь её шеи, как раз под нижней челюстью у уха, где тонкая и нежная кожа.

Да в Тартар Овидия! Подальше со всеми его предрассудками... И Лелия – туда же! Всех их!

Встряхнул её с силой, аж голова мотнулась, снова дёрнул к себе, заводя её руки за спину, поймал её губы, сухие и горячие. Поцелуя не получилось, лишь коснулся губ, разжигаясь ещё больше. Ацилия дёрнулась в сторону, пряча лицо, склоняя его в бок и вниз. Попыталась освободиться, выкручивая руки, но центурион был сильным, и она ощутила с болью, как ногти его впиваются в тонкую кожу на внутренней стороне предплечий.

– Мне больно! – выдохнула она ему в лицо, вскидывая голову, сверкнула глазами.

– А ты не дёргайся... и не будет больно...

Перехватил её руки в одну и зашарил ладонью у горла, она дёрнулась, как от удара, а рука его скользнула вниз, к груди.

Ацилия так резко вскинула голову, что он и сам двинул подбородком в сторону, опасаясь удара, зашептала ему в лицо зло, с раздражением:

– Вы... Да вы... Да как вы смеее?!.. Уберите руки! – она повысила голос. – Отпустите меня!

На шум прибежал Гай, не зная, что делать. Марций заметил его краем глаза:

– Уберись отсюда!

Видимо, он отвлёкся на раба, потому что девчонка сумела-таки освободить одну руку, вырвала её и неожиданнохватила его по щеке полусогнутыми пальцами, срывая кожу.

Вырвалась и бросилась в сторону выхода, вслед за рабом. Но Марций сумел нагнать её у самых дверей палатки, схватив за волосы, за полурассыпавшуюся косу. Девчонка ахнула, развернулась от дикой внезапной боли, сжимала пальцами волосы у затылка в надежде ослабить ощущения от удара. Но Марций не дал ей опомниться, схватил за плечи, бросил в угол, куда Гай сегодня только сложил чистую одежду, подмял под себя.

Она была на удивление сильной, может быть, страх или злость прибавляли ей сил, но он даже и думать не смел о такой силе в теле простой девчонки.

Как дикая кошка! Кусалась и царапалась, отбиваясь всем телом. Совладай с такой, попробуй!

После нескольких минут отчаянной борьбы Марций всё же сумел справиться с её руками, поймал запястья и с силой вдавил руки в мякоть плащей и туник на полу.

– Успокойся! Хватит! – крикнул он ей в раскрасневшееся лицо.

Она хрипло дышала, отвернув голову, и ему показалось даже, что от тщетности усилий и отчаяния у неё блеснула слеза на правом глазу, повисла на ресницах каплей росы.

Разгорячённая, злая, с румянцем на скулах, с огромными глазами, она была настоящим подарком в этой борьбе. Но Марций знал, что борьба эта ещё не закончилась.

Что это с ней? Будто в первый раз! Как это Овидий с ней справился?

– Ты что? – уже мягче спросил он. – Совсем с ума сошла?

Что вытворяешь?

– Отпустите меня... – Даже бровью не повела.

– Не вынуждай меня брать тебя силой. Я не хочу насилловать тебя. Я не хочу тебя бить...

Она усмехнулась, прикрывая глаза, и Марк почувствовал, как напряглись её запястья в его пальцах. Нет, он ещё совсем не сломил её, она ещё будет бороться.

Марций склонился к её уху и заговорил полушёпотом:

– Давай на выбор: либо я, либо – все остальные... за один сестерций... Идёт?.. Могу тебя заверить, желающих расстаться со своими деньгами будет немало... Ну как? Согласна?

– Вы не посмеете... – прошептала сухими губами.

– Зря так думаешь... Будешь просто работать на меня волчицей. Всякие: старые и молодые, лысые и толстые, уроды и сволочи... Ну?! – Он толкнул её руками в запястья. – Какое, а, дочь сенатора, ну?! Гарнизонная волчица... шлюха для всех... Ну? – ещё раз толкнул в запястья, сжимая пальцами, вынуждал на ответ. – Я – или они?

Она долго молчала, думая, кусала губы.

– Будьте вы прокляты... – прошептала ему в глаза и отвернулась, и эта слеза её сорвалась, потекла по щеке.

Он отметил этот факт и понял, что будет помнить это всю жизнь, но сейчас оно было далеко от него, думал он совсем о другом.

Мешала кираса, хоть и была из кожи, и он приподнялся, ослабляя ремни, долго возился, снимая её; всё это время смотрел в лицо рабыни, выпитывал каждую чёрточку: высокий лоб с влажными от волнения прилипшими волосами, большие тёмные глаза – смотрела куда-то мимо, стиснутые дрожащие губы, а под подбородком, на повернутой шее, отчётливо было видно, как вздрагивает живая вена.

Он ещё в первый раз, как её увидел, ещё там, в Нуманции, отметил, что она симпатичная. А ещё подумал, что она рабыня...

Не-е-ет, она не рабыня... Совсем не рабыня.

Сейчас уже она его рабыня...

«Моя... Дочь сенатора... Патрицианка...»

Он уже успокоился, забыв про всё, кроме этой девушки, все проблемы стали далёкими. Он ласкал её руки, нежную кожу от запястий и выше, он пытался целовать её лицо и губы, но она отворачивалась и избегала поцелуев, отдёргивала руки. Он чувствовал раздражение на неё, ведь сама отдаётся, что за номер тогда? Но девчонка всем видом показывала, что он насилует её, что берёт он её силой. И он разозлился на неё, забыл формальности.

«Все... Все вы, бабы, одинаковые... Все вы такие... Что те, продажные... Никакой разницы! Вам бы только деньги... А тебе что? Ради чего ты?»

Он разорвал на ней тунику от горла и вниз, открывая грудь, живот.

«Тебе лично что надо?.. Чтобы отпустил?.. Домой захотела?.. А как же Нуманция, а твой отец-предатель?.. Всё пятым на вас лежит... Какое вам домой?.. Захотела...»

Он прижимался к ней всем телом, улавливал её дрожь. Она дрожала вся, как от внезапного мороза, аж зубы стучали, стискивала пальцы в кулаки, а на лбу – испарина страха.

Центурион поймал обе её руки, ладонь в ладонь, переплёл пальцы, вдавливая в одежду у головы. Ловил её губы и целовал, целовал силой.

Рабыня дёрнулась всем телом, как от удара, когда он коленом раздвинул её ноги, отвернула лицо, и Марк услышал, как со свистом втянула она воздух через стиснутые зубы.

Неожиданная боль, как ведро холодной воды, отрезвила его, он даже отстранился от рабыни на вытянутые руки, терпевшая её, смотрел девчонке в лицо, ловил её дыхание – горячее, обжигающее щёку, – зажмуренные в боли глаза.

– Проклятье... – прошептал губами, всё понимая вдруг. – Так ты... – Склонился к ней, целуя глаза, лоб, губы короткими поцелуями.

Она замотала головой, освобождаясь от него, и он не стал останавливаться на полпути. Старался быть аккуратным, обуздывая в себе дикую страсть насильника, хотелось быть бешеным, делать больно, так, чтобы до конца, словно доказывая что-то, но собственная боль не давала, и дрожь её, которую он чувствовал на ладонях при каждом толчке, – тоже. Он словно впитывал её, всю без остатка, понимал, что

она занимает в его душе особое место, именно такая – слабая и беспомощная, обнажённая с головы до пят девочка. Никакая сила не лишит его этой памяти, этих выстраданных ими минут, этой покорной слабости женского измученного тела.

Он упал на неё, отдавая последний звук её рассыпавшимся волосам, осторожно прижался нижней челюстью к девичьей шее, впитывал каждый толчок её пульса. Закрыв глаза, расслабляя пальцы.

Девочка... Его девочка... Лелий оказался прав, и он улыбался этому, радовался тому, что тот оказался прав в первый раз в жизни.

Первой заговорила она:

– Вы делаете мне больно своей одеждой...

Он дёрнулся, приподнимаясь. Вот же проклятье! Он – по обыкновению, в нижней тунике с поясом и птеригами – кожаными ремнями с железными пряжками от пояса. И она – абсолютная нагота! Конечно.

Он освободил её, лёг рядом, нашёл её руку, но девчонка резко вырвала её, освободилась, чуть отстраняясь.

– Ты ни разу не сказала... – заговорил сам.

– А вы и не слушали! – ответила резко, поднеся пальцы к губам, будто хотела дрожь унять. – Сразу же называли меня объедками... – она словно бичевала его своими словами, тоном, наготой.

Марций промолчал, сухо сглотнул, переживая произошедшее. Таких чувств, таких эмоций до этого не было, и за

всё это он почувствовал вдруг нежность к ней, к холодной, обиженной.

– А как же Овидий? – спросил вдруг.

– Он был пьян! – резко ответила она и, приподнявшись на локте, подтянула на себя разорванную тунику, скрывая наготу. – Когда он проспался, то ничего не помнил...

– Хорошо, что ты не осталась у него: надоевших женщин он продаёт сутенёрам, они становятся проститутками, а женщины надоедают ему быстро...

Она усмехнулась и шепнула:

– Вы так говорите, словно я должна быть вам благодарной за то, что стала именно вашей рабыней.

Он некоторое время помолчал, потом воскликнул:

– Да! Само провидение направило нас друг к другу. А если бы ты попала в руки легионеров, я видел, что происходит с женщинами после такого – они сходят с ума! А те, что становятся волчицами, через несколько лет теряют былой облик...

– Зачем вы это говорите? Ждёте благодарностей? – громко усмехнулась. – Вы ничем не отличаетесь от других! Такой же насильник!

– Ты сама мне отдалась! – Он улыбнулся, смотрел в её профиль.

– Вы даже хуже Овидия, которого ненавидите! Он действительно насильник, а вы ещё хитрый и подлый...

– Эй, девочка! – он удивился, вскинул тёмные брови.

– Коварный вымогатель, слабак...

– Забываешься! По-моему, не я, а ты – моя рабыня... –

Он поднялся и сел на подогнутую ногу, глядел сверху. Она смотрела вверх, в потолок, покусывая костяшку указательного пальца.

– Вы ведёте себя как всякий плебей, эта ваша провинциальная ненависть... – Она скосила на него горящие глаза. Сегодня он поразительно многое ей позволял. – Если бы я была простой рабыней, вы бы давно уже выгнали меня или продали... Но вы тешите себя, свою плебейскую сущность... Доказываете себе самому свою состоятельность... Сами из себя ничего не представляете...

Он аккуратно стёр кровь с поцарапанной щеки, уж она-то точно из себя что-то представляет. Поймал её тунику и потянул на себя, открывая её тело. Девчонка вскинулась, приподнимаясь, недовольно нахмурилась, прикрывая обнажённую грудь рукой. Поискала вокруг, чем прикрыться. Но он опять поймал этот плащ, потянул на себя.

– Что вы делаете? – прошептала она и нашла другой плащ.

– Всю жизнь ты жила, не заботясь о хлебе, о питье, всё тебе подносили слуги, они делали причёски, одевали и обували, мыли и ублажали... К чему тебя готовили? К тому, что ты станешь женой какого-нибудь всадника, если повезёт – сенатора... Старого, облезлого, но богатого... Манеры, жесты, походка – всё для этого... Чтобы род твой в грязь лицом не ударил... А что вышло по жизни? Ты – рабыня простого

римского вояки, его наложница, простого плебея без рода, без племени... Каково, а? Обидно? Сенаторская доченька... Подстилка центуриона! – его понесло, он слышал себя словно со стороны, будто не сам говорил, но она разозлила его. А он – обидел её в ответ.

Она вскинула подбородок, поджимая дрожащие губы – ну и выдержка!

Она ничего не сказала, поднялась и, пошатываясь, ушла к себе, придерживая на груди плащ. Марций снова стёр с лица выступившую кровь, крикнул вдруг:

– Я что-то забыл, как тебя зовут! Как?.. Хотя, подожди, я сам вспомню... По отцу твоему... – уже добавил негромко, нахмурился, – Ацилия... Ацилия... Да-да... Точно... – Усмехнулся.

Поднялся на ноги и прислушался. Там, в своём углу, девочка плакала навзрыд так, как он не слышал ещё от неё ни разу. Марций стиснул кулаки и вышел на улицу.

«Напиться бы сейчас... вдобавок ко всему...»

* * *

Весь следующий день он не мог отделаться от навязчивых мыслей о ней, вспоминал её, её лицо, её гнев, её немое сопротивление. И всякий раз, когда она вспоминалась, он улыбался мечтательно и с нетерпением ждал вечера и ночи, желая опять обнять её, даже если она опять будет сопротивляться.

К обеду получил ошеломивший его приказ – пока ещё он центурион, его назначили на ночное дежурство по лагерю, а до вечера отпустили.

Он вернулся к себе, зашёл, снимая шлем, остановился у входа.

Рабыня сидела за столом с иглой и ниткой, шила себе новую тунику, к нему спиной, и, наверное, не услышала его.

Марций осторожно убрал шлем на пол, мягко ступая по истёртым коврам, прошёл к ней. Она не замечала его, поднимала руку с иглой, придерживая шитьё. Марций наклонился к ней, к затылку, вдыхая запах женщины. Волосы рабыня собрала на голове, завязала ярким платком, но они выбивались на шею тёмными завитками. Он осторожно втянул воздух сквозь зубы, поймал её кисть с иглой.

Девчонка вскинулась от неожиданности, но упёрлась спиной в его грудь, спереди – стол. Марций поцеловал её в шею под затылком, прямо через волосы, но рабыня склонилась в бок, отворачивая голову, пыталась избегать его, но встать, пока он не позволит, не могла.

– Пустите... – попросила вдруг, сама даже не смотрит, глаза – мимо.

Марций отпустил её руку, упёрся пальцами в стол слева и справа от девчонки, ласкался разомкнутыми губами о её волосы на шее. Рабыня уже сидела прямо с твёрдой окаменевшей спиной, смотрела перед собой. Ему казалось, что он даже слышит удары её испуганного сердца.

– Не бойся... Чего ты боишься?

Почувствовал, как вздрогнули её лопатки, когда она положила обе ладони на столешницу.

– Оставьте меня, пожалуйста... – почти жалобно попросила она.

– Оставить? – шепнул он ей в ухо, усмехнулся. – Ну уж нет... Я целый день этого дожидался... – Скользнул губами, прижимаясь к затылку Ацилии щекой. – Я старался быть аккуратным, если я сделал тебе больно... Следующий раз будет легче, а потом ещё легче...

– Хватит! – резко воскликнула она и попыталась подняться, но руки центуриона мгновенно обрели силу, сдавили слева и справа, удерживая на месте. И рабыня со стоном отчаяния подчинилась ему.

– Ты из тех женщин, что западают в душу, что не дают покоя... Они все тебя видели, знаешь, как они смотрели на тебя? Все, все они... – Его руки расслабленно скользнули со стола ей на колени и выше, по бёдрам, к животу. Ацилия дёрнулась вперёд, когда горячие мужские ладони легли на грудь. – А ты моя... И будешь только моей...

И тут она уже не выдержала, упрямая и решительная, рванулась в сторону, сама сгребая с себя его руки, вылезла из-за стола, встала, глядя гневно сверху:

– Вашей? Вашей, говорите? «Подстилкой центуриона»? – Он выпрямился под её взглядом, опустил руки вдоль тела.

– А у тебя есть какие-то возражения? Ты считаешь, что

это не так?

Она долго глядела ему в лицо, потом скривилась вдруг с выражением муки, заговорила:

– Отпустите меня, вы же не представляете себе, как вы мучаете меня... Если что-то ещё осталось у вас... О, Юпитер! Не заставляйте меня, не вынуждайте, как вчера... Прощу вас... Умоляю...

Он оглядел её: она в короткой мужской тунике по колени, с чистой нежной кожей лодыжек, так и хочется касаться её... Разве можно себя сломить?

– Нет... – выдохнул.

Ацилия замотала головой, преодолевая грудной стон отчаяния, отступила, стараясь уйти к себе, но Марций догнал её и перегородил дорогу.

Она остановилась, уперев взгляд в его грудь.

– Пустите... – проговорила, не поднимая глаз.

Центурион не шелохнулся, и она обошла его стороной. Марций поймал её за локоть и резко дёрнул к себе, на грудь. Девчонка вскинула огромные глаза, глядя удивлённо, упёрлась ладонями в кожаную кирасу, спросила, хмурясь:

– Что вам надо?

– Мне? – усмехнулся, удерживая её за локти, пристально рассматривал девичье лицо, неожиданно решился на поцелуй распахнутых губ. Девчонка попыталась отвернуться, но он поймал её лицо в ладони, не позволил ей избежать себя, нашёл пылающие сухие губы, целовал, ловя горячее возму-

щённое дыхание.

Наконец она вырвалась и, хрипло дыша, заговорила:

– Вы что?.. Вы сума сошли... Пустите меня! Ну пустите же! – Рванулась, и он не стал удерживать её.

Смотрел, как она прячется в своём углу, видел её открытые ноги. Улыбнулся, прощаясь:

– Ещё увидимся.

Вышел.

Утром он вернулся с дежурства, уставший и злой, Гай помогал ему снимать кирасу, крутился рядом.

– Где она?

Раб поднял выцветшие глаза, дрогнул седыми бровями, шепнул:

– Спит, наверное... Я не видел её со вчерашнего дня...

Когда же Марций отдёрнул штору, её место оказалось даже не расправленным, она не ночевала дома, её не было!

– Где она?! – закричал он, замахиваясь на раба.

Гай вжал голову в плечи, оправдываясь:

– Я не знаю, господин, я не видел её... Со вчерашнего не видел...

Влетел на улицу, усталость как рукой сняло, приказал приготовить себе коня, а сам пошёл к разведчикам просить собаку.

Нуманция выглядела жутко. Всё, что можно было сжечь – сожжено, разрушено, превращено в развалины, вороны крутились над трупами, а по улицам пробегали ставшие бездом-

ными собаки. Разбросанное тряпье, мебель, битая посуда – всё это не представляло ценности для солдат и тех, кто пришёл после них.

Страшное зрелище.

Но собака привела его именно в город, Марций шёл, ведя храпящего коня следом, старался дышать через раз, чувствуя тошноту от этого дурного запаха гари и разложения.

Конечно, он мог бы и сам догадаться, что она сбежит именно в Нуманцию, именно в свой дом. Сейчас он, правда, мало был похож на тот, в день захвата, тем более, что сейчас он ходил по нему в сумерках, а не среди ночи.

Собака всё обнюхивала, настораживала лохматые уши, потом вскинулась и стремглав бросилась вверх по лестнице на второй этаж. Пока Марций привязывал коня к колонне, он услышал наверху девичий крик, бросился следом за собакой. Она лаяла оглушительно и звонко на весь пустой дом, и он легко нашёл её по этому лаю.

Свистнул, отзывая собаку, но она не слышала его, продолжая лаять. Марций вошёл в комнату и замер на пороге. Девочка была здесь, стояла у стены, глядя ошарашено на бросающуюся на неё собаку. Видимо, та успела уже её укусить – на подоле туники у колена Марк заметил свежую кровь.

Рабыня вскинула подбородок, заметила вошедшего центуриона, закричала дрожащими губами:

– Уберите собаку!

Марций свистнул, подхватил собаку за ошейник, коротко

приказал что-то, выводя за дверь. Когда вернулся, рабыня уже пыталась открыть ставни окна, но не успела, увидела его и повернулась к нему лицом, убирая руки за спину – упёрлась ими в подоконник.

– Не подходите ко мне... Я лучше в окно выброшусь...

– В закрытое?.. – Усмехнулся.

– Я уже открыла его, только толкнись...

– Второй этаж. Максимум, что ты сделаешь – это сломаешь себе ноги, не больше. Я тебя там и оставлю, в саду... Прыгай!

Рабыня забралась на подоконник, села боком, поджимая ноги, подтянула колени к груди, пряча в них лицо, зарыдала, шепча со слезами:

– Что вы сделали с моим домом?.. С моим детством... Вы всё... всё разрушили... Всех убили... Проклинаю вас за это... Ненавижу... Всю жизнь мою, семью мою, отца... Всё, что дорого было, что я любила... Дом мой... О!.. Юпитер...

Он подошёл к ней и встал рядом, заговорил:

– Зачем ты вообще сюда вернулась? Ты же представляла себе, что увидишь. Что ты хотела?

– Оставьте меня! – Она быстро стёрла слёзы с лица раскрытой ладонью, спустила ноги с подоконника, спрыгнула на пол. – Я не вернусь с вами... Я не буду... Что хотите, то и делайте, вы вообще обещали, что убьёте меня... Я не вернусь к вам... – Глядела прямо большими глазами. Уверенная, упрямая.

– Я не обещал, что убью тебя.

– Мне всё равно.

Она попыталась обойти его, но центурион поймал её за локоть, прижал к стене, притиснулся к рабыне всем телом, шепнул:

– Так уж и всё равно?

Она отвернулась, глядела в сторону, а он рассматривал её лицо, поджатые губы. Немое сопротивление, желание освободиться во что бы то ни стало только рождали стремление подавить, заставить делать по-своему.

– Чего вы ещё хотите? – Она подняла лицо к нему, смотрела снизу. – Вы уже получили всё, что хотели... Вам мало этого? Я уже отдала вам всё, что у меня было... Чего вы добиваетесь?.. Вам нравится мучить меня?.. Может быть, вы ненормальный человек?.. Вы преклоняетесь перед насилем? Да?

– Нет.

– Зачем вы ищите меня? Отпустите, дайте мне уйти, вы уже сделали это однажды в этом доме... в моём доме! Почему-то же сделали. И я...

– Нет! – он резко перебил её.

Ацилия сузила глаза:

– Я не вернусь с вами. Вы потащите меня силой? Свяжите?

– Если надо будет – свяжу!

– Вы не справитесь со мной, вы не посмеете...

– Потому что ты – сенаторская дочь?

Она помолчала миг, потом опять заговорила:

– Это мой дом! Это моя комната! Я родилась и выросла здесь!

– Да мне всё равно, сейчас ты МОЯ рабыня, МОЯ наложница... Хочешь ты этого или не хочешь! И если надо будет – я справлюсь, я возьму силой... То, что моё – то моё...

Она опустила голову, закусив губу. Позволив ему однажды, она оказалась в его власти целиком и полностью, и он это знал, он чувствовал свою власть.

– Я никогда не буду вашей. Даже если вы будете владеть телом, вы никогда не тронете мою душу, а в душе я ненавижу вас! – Она подняла на него глаза. – Слышите? Ненавижу! На всю жизнь... И почему в первый раз вы показались мне хорошим человеком? Когда отпустили почему-то, когда выкупили у этого Овидия... Если бы я больше ни разу не встретила вас, это мнение так и осталось бы, но вы – ненавистный мне человек, и нет в вас ничего хорошего...

Он отступил, отпуская её, произнёс негромко:

– Пойдём...

Развернулся и пошёл к выходу, зная, что она всё равно пойдёт следом. Собака встречала его у выхода из комнаты, он погладил её по голове, потрепал мягкие уши, мельком глянул назад – рабыня по-прежнему стояла у окна. Но когда он спустился в атриум и завозился с конём, девчонка уже спускалась с лестницы с немим выражением отчаяния и пре-

дельной жертвенности на лице.

Марций подсадил рабыню на коня, сам повёл его в поводу; собака бежала следом. Всю дорогу они не разговаривали. Ацилия смотрела по сторонам и часто оборачивалась назад, провожая Нуманцию глазами.

В лагере уже горели костры и постовые на воротах долго не хотели их пропускать, ведь Марций был не по форме.

У своей палатки он подхватил рабыню за пояс и снял с коня, Гай уже ждал их у входа, суетился, выламывая руки.

– Нагрей воды помыться!

– Хорошо, господин... – закивал в ответ головой.

Девчонка, прямо держа голову, зашла в палатку, Марций поставил трипод посредине, приказал:

– Садись!

– Зачем? – Она изогнула брови.

– Садись, кому говорю.

Она села, спрятав под табурет ноги. Марций опустился перед ней на корточки, поймал за лодыжку правой ноги, потянул на себя. Ацилия дёрнулась, пытаясь освободиться:

– Что вы делаете? Отпустите!

– Мне позвать кого-нибудь на помощь? – Он смотрел снизу. Ацилия сдалась, и центурион, придерживая её ногу, поднял подол туники, открывая колено. Ацилия шумно выдохнула, но он лишь осторожно ощупал собачий укус как раз под коленом.

– Больно?

– Пройдёт... – прошептала она и потянула ногу на себя, но Марций не отпустил, держал за сухожилие у лодыжки, снизу, осторожно провёл согнутыми пальцами тыльной стороны ладони вверх по ноге до колена по тонкой белой коже. Ацилия вздрогнула, напряглась, пожимая плечами от дрожи по всему телу, опять потянула ногу, от удивления раскрывая глаза. – Что вы... делаете?..

– Красивая кожа... Жаль, останется след... – Отпустил её ногу и поднялся, Ацилия тут же спрятала колени под подолом туники. – Помоешься и ложись спать. – Она промолчала, и он, уже отойдя к выходу, обернулся, – Я не слышу!

– Хорошо, я помоюсь и лягу спать. – Вскинула глаза. – Я слышу вас, господин... – добавила тихо.

И удовлетворённый ответом, он вышел.

Ацилия, уставшая и разбитая, засыпала с сырыми волосами, перед самым-самым, как отрешиться от мира, слышала его голос, они о чём-то разговаривали с Гаем, шумно лили воду, наверное, раб помогал ему мыться.

Одна единственная мысль мучила её: что будет с ней дальше? С ней она и заснула, боясь, что он придёт к ней, спящей, но утром проснулась одна и облегчённо вздохнула.

Он не коснулся её в течение следующего дня и следующей ночи.

Всё пошло по-старому, как до того, когда она стала его любовницей.

Она осмелела, стала выходить из палатки, общалась с другими рабынями у тех костров, где была кухня, хотя многие из них были волчицами – проститутками. Ацилия подозревала, что центурион не знал об этом, иначе бы он запретил.

Особенно она сошлась с одной взрослой женщиной Авией, которая многое рассказывала ей о жизни в лагере: кто кого ненавидит, почему, какие у кого пристрастия, кто чем занимается в свободное от службы время. Она уже несколько лет жила в этом лагере, переходила с легионом с места на место, семьи у неё не было, и она жила только гарнизоном. Именно от Авии Ацилия узнала о вражде центуриона Марция с центурионами Овидием и Лелием, о настоящих причинах этой вражды мало кто знал, зато в лагере все хорошо знали о везучести Марция в кости.

– Ты уже спала с ним? Как у вас? – напрямую спросила Авия, поднимая глаза от чищеного котла. Ацилия растерянно вскинула брови, и Авия, всё понимая, продолжила чистить посуду. – Тебе надо научиться считать дни, когда позволять ему, а когда – нет...

– Считать дни? – удивилась Ацилия.

– Конечно, или ты хочешь родить от него ребёнка? – Усмехнулась, поворачивая котёл на другой бок. – Мужчины не держат возле себя беременных женщин – это лишняя обу-

за, да и беременная женщина не всегда готова удовлетворить его... Самое лучшее для тебя в этом случае – если он прикажет тебе вытравить ребёнка ядом, а худшее – просто продаст тебя сутенёру, тот не будет с тобой мелочиться и заставит работать...

– Зачем ты запугиваешь её, Авия? – заговорила другая женщина. – Просто дай ей цикуты, только почувствует неладное – сама избавится от него... Если всё сделать быстро и правильно, это неопасно...

– Цикута... – повторила Ацилия.

Она не могла поверить в услышанное. Ребёнок! Ведь в самом деле, она теперь перешагнула ту грань и находится в опасности оказаться беременной, она же теперь живёт с женщиной! Правда, пока у неё это было один раз, но... Она перевела глаза на Авию, нахмурилась, спрашивая:

– Как это можно узнать? Как я узнаю, что беременна?

Авия усмехнулась в ответ:

– Узнаешь... Почувствуешь... – Замолокла вдруг.

Ацилия стояла лицом к Авии, поэтому не видела того, что видела она.

Знакомый мужской голос чуть не заставил её сердце остановиться:

– Что ты здесь делаешь?

Она обернулась и увидела его совсем рядом, потеряла дар речи. Но Марций и не стал дожидаться, когда она вновь обретёт его, схватил за локоть и толкнул перед собой, прика-

зывая:

– Пошли!

Она шла, а Марций шёл следом, не подгонял, но его дыхания за спиной было достаточно.

В палатке она не дала ему и рта раскрыть, спросила вдруг:

– Вы правда заставите меня убить своего ребёнка?

Он нахмурился вдруг, спросил:

– Ты что, уже беременна?

– Не знаю... нет, наверное... – Она задрожала ресницами.

– Где ты нахваталась этого? С этими девками, крутишься с проститутками, словно одна из них... Я же запретил, по моему, нормальным языком, и ты сама сказала, что всё поняла... Что мне делать?.. Приказать тебя выпороть? – Она замотала головой, закусывая губу. – А что сделать?

– Вы не понимаете... Вы на целый день уходите, у вас работа, какие-то занятия, что-то вы делаете там, вы не сидите тут, а я должна целый день с утра до вечера быть одна, я ничего не делаю, никого не вижу, ни с кем не общаюсь, я должна мучиться от безделья, что ли?

Он перебил:

– А чем ты в доме своего отца занималась? И скучно тебе не было?

Она оторопела от вопроса и заговорила негромко, отвечая на вопрос этот растерянно, не замечая подвоха:

– Я читала, ходила в гости, ко мне приходили в гости, я следила за розовым кустом в саду... Училась... Я общалась

с людьми...

– Одним? – перебил он её.

– Что?

– Я спрашиваю, ты следила за одним розовым кустом?

– Да... Садовник мне больше не позволял...

– Ха-ха-ха-ха-ха! – он засмеялся вдруг, качнувшись на пятках, а Ацилия нахмурилась – для неё тогда это было важно, она сама поливала его, обрезала... – Проклятье! Кого я у себя пригрел? Один розовый куст! А у тебя там не было одной овечки или одного оливкового дерева?.. Сумасшествие! – он усмехнулся, стёр выступившие от смеха слёзы. – Патриции... Богатеи, нахлебники, привыкшие загребать жар чужими руками... Вы проводите жизнь в безделье, в то время, как другие кладут головы, проливают кровь, свою и чужую, завоёвывают вам новые земли, золото и рабов... Получая за это смешные гроши!..

– Но вы же военный!

– А по своей ли воле? Ты знаешь? – Он качнулся вперёд, в упор глядя ей в лицо, прямо в глаза.

– Нет, не знаю. Но, если вам не нравится – бросьте и уйдите... Займитесь другим, тем, чем нравится.

Он усмехнулся, поймал её за руку, ещё ближе притягивая к себе, спросил:

– А тебе нравится быть моей рабыней, быть моей наложницей? Возьми и уйди! Получится? Сможешь?

Она промолчала, и он отпустил её, отошёл в сторону, упе-

рев руки в пояс, стоял, опустив голову. Ацилия спросила вдруг:

– Так, выходит, вы – такой же раб, как и я? – Он резко обернулся, сверкнув тёмными глазами, а она не дала ему и слова молвить. – Только, если я – ваша рабыня, то вы – раб обстоятельств... И я в лучших условиях – я могу уйти, удачно сбежать или дожждаться помощи из Рима, и я никого не убиваю, ни над кем не творю насилия... А вы... – она не договорила – он дал ей пощёчину, ударил вскользь по губам, и рабыня замолкла, стирая след удара, уронила голову на грудь, зашептала, – Значит, я права... Вы такой же раб, даже хуже, потому что ваши обстоятельства заставляют вас рисковать жизнью. – Она вскинула голову, уперев в него взгляд. – Убивать других и жить за смешные гроши... Жить в постоянном страхе за свою жизнь... Да вы жалки! Вы – добровольный раб... – Он снова ударил её по губам, пытаясь убить эти слова, не дать им родиться, но они уже прозвучали, проникая в сознание.

«Добровольный раб...» Да как она смеет? Патрицианка с одним розовым кустом!..

– Забываешься... – сухо произнёс он, а рабыня стирала каплю крови в уголке губ, рука у Марция тяжёлая всегда была, и как ещё в кости ему везло такому?..

– А вам всё равно больнее... – Вскинула подбородок. – Потому что раб на всю жизнь, до самой смерти...

Нет, на этот раз она вывела его, он рвал на ней одежду,

как безумный, и даже кираса не мешала, набросился, аж в глазах потемнело от досады на неё, от элементарной злости.

Она сопротивлялась, как могла, но на этот раз он был в выгодном положении – он уже не стеснялся дать ей пощёчину или сделать больно. Он насилывал её, как это делают все мужчины в захваченных городах и посёлках, опьянённые кровью, силой и чувством безнаказанности. Потом, возможно, ему будет горько за содеянное в обиде, но он оправдывает себя тем, что она всего лишь рабыня, пусть даже патрицианских кровей...

На этот раз он сам уходил, оставляя её рыдающей и кусающей губы от унижения, обиды и пережитой боли.

Она прошептала ему в спину чуть слышно:

– Я ненавижу вас...

– Я знаю... – согласился он. – Зато тебе не скучно от безделья. Ненависть – это тоже занятие. – Остановился над ней, поправляя пояс. – Я поговорю с офицером по хозяйственной части, тебе найдут работу, чтобы ты даром хлеб не ела... – Ушёл.

– Урод... – прошептала Ацилия в кулак и разрыдалась с новой силой.

* * *

Конечно же, работу ей нашли – чтобы кормить четырёхтысячный легион, никаких рук не хватало. Простые солдаты

готовили себе сами, но нужно было носить воду, молоть на ручных мельницах зерно, перебирать просо, мыть горы посуды. Этим занимались женщины среднего возраста, те, что уже не могли зарабатывать на жизнь своим телом, те, кто уже потерял былую молодость и красоту, те, кто жил при гарнизоне из милости.

Когда среди них оказалась Ацилия – «неумеха» и «молодая дура» – все женщины разделились: кто-то жалел её, ведь на её месте могла оказаться любая, а кто-то невзлюбил, называя «белоручкой», поручал самую грязную или тяжёлую работу. Она молча старалась всё это делать, по вечерам валилась с ног от усталости, по неопытности резала ножом пальцы, пока скребла грязные закопченные котлы.

– Давай-давай, – поторапливали её с усмешкой, – шевелись.

Авия жалела её:

– Что же это так? Зачем же он это делает? Разве можно тебя на такую работу? Ты посмотри на свои руки! Вспомни, какие они у тебя были!

Ацилия спрятала руки в складочках туники и устало вздохнула:

– Что я могу сделать... Я научусь же когда-нибудь...

– Надо поговорить с ним, тебе не место здесь!

– Кто с ним будет разговаривать?.. Ах, Авия, если бы ты знала, сколько раз я просила его позволить мне написать письмо в Рим, к родственникам, но нет! Он такой упёртый...

Страшно! Злится... Ворчит недовольно... Я лучше тут, с вами...

– Его, кстати, наверное, снимут с центурионов, ты знаешь об этом? Слухи быстро расходятся...

– Да? Нет, я не слышала этого... За что?

– Да кто его знает. Легат взъелся, может, за драку с Лелием... Трибун сильно ругался, грозился пожаловаться на него... А Лелий-то на хорошем счету, он центурионом уже шесть лет, а твоего только-только, ещё полгода не прошло, как назначили...

– Подрались? Да-да, я помню... – Ацилия убрала со лба выбившуюся прядку волос.

– Лелий сам виноват, поносил твоего Марция, и тебя заодно...

– Меня? – Она опешила.

– А ты не знаешь? Да тут все собрались на это поглядеть... Скандал такой, ты что! Кричал, что ты ещё девушка, а Марций неспособный. Просил тебя ему продать... Ну и в том же духе, пока до драки не доорались... Я сама всё видела. Над Марцием тут все хихикали, он редко до женщин ходит, у него таких подвигов мало... А сейчас, как ты у него, все попритихли...

«Ничего себе, неспособный! – подумала Ацилия. – Странный – это другое дело... А что касается его способностей, то всё у него нормально, кому, как не мне об этом знать...»

А сама почувствовала, как кулаки сами собой стискивают-

ся от внутреннего неприятия этого человека. Собственник он, как сам говорит: «Моё – это моё!» Разве можно таким быть? Ужасный человек...

Её взгляд мельком скользнул на отставного легионера в стороне от всех. Ветеран, инвалид, оставшийся без ног, он не уехал из гарнизона домой, переезжал с места на место благодаря доброте других, помогал, чем мог. То ножи наточит, то ложки вырежет, то стругает новые ручки для ножей. Ацилию он заинтересовал тем, что играл на флейте, которую тоже сделал сам. Самоучка, никто его не учил, а мелодии играл весёлые, забавные даже для такого человека.

Ацилия, глядя на него, почувствовала, как пальцы знакомо задрожали. Попросить бы... Сама не поняла, как пошла к нему.

– А мне можно?

– Умеешь? – Улыбнулся, морщинки от синих глаз побежали по лицу, и Ацилия качнула согласно головой. – Она самодельная, я сам смастерил...

Ацилия приложила флейту к губам, закрыла глаза, отрешаясь от окружающих, взяла первых несколько аккордов, запнулась, начала с начала и пошла, пошла... Музыка полилась из-под пальцев грустная, проникновенно щемящая, все оставили занятия и обернулись к ней, поднимая от удивления брови. Всё время здесь звучали весёлые незамысловатые композиции, ребятишки гарнизонные под них прыгали, хлопая в ладоши... А это было не то! Высокая музыка, на-

стоящая, что за душу берёт, выворачивая наизнанку всё прошлое, все слёзы и обиды, всё, что хотелось навсегда забыть. О детстве безмятежном, об ушедшей радости пела она, проникая в самое сокровенное грустными переливами.

Ацилия оторвала флейту от губ, протянула легионеру:

– Хорошая... Не такая, как моя, но хорошая...

Ветеран украдкой стёр с глаз слёзы, отстранил её руку:

– Забирай! Разве после тебя я могу на ней играть?.. Я дру-
гую сделаю – для себя, попроще... А эту тебе дарю...

– Спасибо! – Ацилия прижала флейту к груди. – Спасибо
большое...

– Эй, музыкантша, пора за работу! – окликнул её чей-то
грубый голос, и Ацилия вернулась к работе. Но от пережи-
того волнения пальцы дрожали, и пока она вычистила при-
горевшее в котле, изрезала себе все руки, от чувств не могла
крепко удержать ножа в пальцах.

Но всё это уже мало волновало её, радость переполняла
сердце...

Марций возвращался вечером и ещё издали услышал зву-
ки флейты, сначала подумал – показалось, потом всё яснее
и яснее, а когда зашёл к себе, онемел. Его рабыня сидела на
трипode спиной к нему и играла на флейте. На самой насто-
ящей флейте. И музыка красивая, за душу берёт до тоски
невыносимой, до боли, аж зубы стиснул, шагнул к ней, боясь
прикоснуться.

– Ацилия? – прошептали губы сами собой.

Она вздрогнула, убирая флейту, быстро вскочила на ноги.
– Ты умеешь играть?

Она ничего не ответила, отступила назад, пряча флейту от его глаз.

Он ещё раз спросил удивлённо:

– Умеешь играть?

– Вы в первый раз назвали меня по имени... – разомкнула пересохшие губы.

– Да? Не заметил... – Он только подбородком повёл. – А ты, смотрю, мастерица удивлять, то ты оказываешься девственницей после Овидия, то вдруг на флейте играешь... Что ты ещё от меня скрываешь?

– Ничего... – Она повела головой отрицательно, пряча флейту за спину, отступила ещё немного назад.

– Смотри, я ненавижу всякого рода сюрпризы...

– У меня нет никаких сюрпризов для вас, и ничем я не собираюсь вас удивлять. Я такая, какая я есть... Если что-то вас поражает во мне – не моя это заслуга... Ничего намеренно я не делаю... – потом добавила вдруг, – ... для вас.

Он покивал головой, принимая её ответ, поставил трипод посреди и сел, обхватив себя за плечи, вздёрнул подбородок:

– Ну, сыграй что-нибудь. Весёленькое.

Она обомлела, вскидывая брови, отступила назад, выдыхая:

– Я не буду...

– Не будешь? – Она повела головой, отрицая. – Почему? –

Он наклонился вперёд, упирая руки в колени. – А если я прикажу?

– Всё равно не буду...

– Почему? Для меня не будешь?

– Не буду и всё!

Он долго молчал, разглядывая её, смотрел в лицо.

– Ну-ну... – произнёс вдруг.

– Вы можете владеть моим телом, но не моими желаниями, вы можете применять силу и власть, можете сделать больно, но никогда не заставите любить вас, выполнять ваши желания с удовольствием.

Он помолчал, разглядывая её, и она не терялась под его взглядом, уверенная в себе, в своём решении. В любых бы других условиях это вызвало бы уважение, но она была женщиной, его женщиной, и тем более рабыней, принадлежащей ему целиком и полностью.

Он вытянул ногу.

– Развяжи!

Ацилия поджала губы, она всегда так делала, когда он приказывал ей что-либо сделать, как же, наверное, бесится она внутри, пересиливая себя. Шагнула к нему, машинально пряча флейту за пояс – обыкновенный полотняный жгут, как рабыне пояс ей не полагался.

Склонилась у ног господина, села на пол, завозилась с ремнями калига. За это время она многому научилась, приоровилась даже к этой работе, только, развязывая узлы,

держала в этот раз указательный палец на левой руке в стороне. Марций поймал её за запястье, притянул к себе уже сомкнутый кулак, – но что ему с ней было справиться? – разжал её пальцы. Взгляд наткнулся на многочисленные порезы, свежие и уже зажившие, самый большой как раз на указательном.

Поднял на рабыню глаза:

– Ты что это, сама себя режешь?

Она потянула руку, силясь освободиться.

– Так получается иногда... Я чистила котлы сегодня и вчера... и до этого... Я только учусь всему...

Он хмыкнул:

– Хорошо, что ты не легионер-новобранец, а то и мечом бы кишки себе выпустила... Уродство!

Она резко вырвала руку:

– Я никогда этим раньше не занималась. Что вы от меня хотите? – Быстро стала распутывать шнуры, снимая их с железных крючков, а Марций следил за её руками, действующими быстро и раздражённо.

– Тебе дают ножи?

Она замерла и подняла глаза, дрогнули губы:

– Потом их забирают. Они маленькие... только-только в ладонь.

Марций молча убрал ногу и выставил вторую:

– Посмотри, до чего ты довела себя. Я понимаю, работа работой, но посмотри на себя, как ты выглядишь – руки,

одежда... Ты совершенно не похожа теперь на дочь патриция. Твой отец вряд ли гордился бы тобой сейчас...

Ацилия при его словах обратила внимание на подол своей туники, от постоянной чистки котлов тёмные пятна сажи не смывались, они же были и на руках, на пальцах, предплечьях. А что она могла сделать? Ацилия резко поднялась на ноги, глядя на хозяина сверху, заговорила:

– Если вам нужна женщина для близости, красивая, и ухоженная, и чистая – идите в палатки волчиц... Я работаю, мне некогда следить за собой, и это была ваша прихоть... У меня нет другой одежды, сажа не отмывается, и я действительно порезала свои руки, сама себе! Зато я не ем даром вашего хлеба, и мне лучше работать вот так, чем я... чем... – Она осеклась вдруг, и Марций поднялся, сам теперь глядя на неё сверху.

– Чем что? Договаривай!

Она помолчала секунду:

– Чем быть вашей наложницей. Я лучше буду носить воду, скрывать пригарки ногтями, но ни за что не буду вашей подстилкой, как вы выразились однажды...

– А совмещать одно с другим? – прищурился он.

– Тогда для вас я перестану быть патрицианкой. Вот такая вот... – Она дёрнула себя за подол туники. – А это же как раз тешит ваше самолюбие... И не надо меня стыдить, я сама прекрасно знаю, как я выгляжу, но уж лучше так, чем терпеть вас... и... – повела подбородком.

– Ух ты! – Удивлённо приподнял бровь Марций. – Какой я, оказывается, даже хуже пригоревшего горшка...

Она усмехнулась:

– Выходит, так...

Ну почему, почему она всегда такая?

Он взял её за локти больно впиваясь пальцами, и процеди в лицо:

– Мне нужна наложница, а не кухарка...

– А по мне уж лучше кухаркой десять раз! – также медленно бросила ему в лицо свой протест. Марций оттолкнул её от себя:

– Завтра же останешься дома, и всех я предупрежу.

– Нет! – возмутилась Ацилия.

– Я лучше Гая продам, всё на тебя переложу, но ты будешь рядом и только моя. Не хватало шкрябать котлы другим мужикам и таскать для них воду.

– Вы – собственник, у вас нездоровое самомнение, откуда такая больная жадность? Вы – самодур! То вам хочется, чтобы я работала, то, наоборот, не хотите!.. Да вы больной человек! Я ни капли не завидую вашим подчинённым... Вы же совершенно не знаете, что со мной делать. Отпустите тогда! Это так просто...

Он быстро сократил расстояние между ними, попытался поймать за запястья, но Ацилия увернулась, тогда он обхватил рукой шею, притиснул к себе спиной, заговорил в ухо:

– Ошибаешься. Что делать с тобой, я как раз знаю... Как

тебя использовать по назначению...

– Да вы сума сошли! – Она попыталась вырваться, вцепилась в его предплечье руками.

– Мне плевать, что на тебе надето: грязная туника, чистая, по мне лучше вообще без неё...

– Пустите! – хрипло выкрикнула она. Сумела вырваться, метнулась в сторону. – Вы всё время думаете об одном и том же, как одержимый! Все мужчины такие! И странно, почему все в лагере считают вас немужчиной, неспособным...

– Что?!

– Можно подумать, вы этого не знаете?

– Только не тебе мне об этом говорить... Кто ты такая? – Он разозлился, скривил губы, и Ацилия прекрасно знала, что это значит.

– Да об этом даже рабыни судачат... – она усмехнулась, и эта её насмешка стала последней каплей.

Марций поймал её, несмотря на все попытки увернуться от его рук, обхватил поперёк, притискивая к груди, выдавливая весь воздух из лёгких. Ацилия даже не заметила, в каком месте потеряла флейту.

– Что у тебя за поразительная способность выводить меня из себя?

– Да ну вас... – прохрипела в ответ.

Он повалил её на живот, придавливая сзади, поймал её руки, сжимая в ладонях хрупкие кисти. Ацилия начала сопротивляться в обычной своей манере, но он был сильнее и

тяжелее её. Он прошептал в ухо с насмешкой:

– Ты так ещё не пробовала?.. Тебе понравится...

Ацилия аж захрипела от злости и бессилия, начала такую отчаянную борьбу за свободу, что удивила его не на шутку, но единственное, что сумела – лишь перевернуться на спину, а тунику Марций на ней порвал в клочья. Придавил всем телом, зажимая её руки ей же под спину, притиснул к полу лопатками, заговорил, с насмешкой глядя в глаза:

– А-а, тебе так больше нравится?.. Так бы и сказала сразу... Зачем царапаться?.. Я же тебя не бью...

– Плебей... – прошептала сухими губами. – Безродный...

А он засмеялся с чувством полного превосходства победителя. С этим же смехом на губах овладел ею, доказывая себе и ей, что все эти лагерные сплетни – полная чушь, не имеющая никаких оснований! Насиловал, как и в прошлый раз, грубо, ни о чём не думая, и всё говорил ей, глядя в бледное лицо с огромными тёмными глазами:

– Я могу владеть твоим телом? Так ты говорила, да?.. Могу тебе делать больно?.. Могу применять силу, да? Да плевать я хотел на твои желания... Хочу... Не хочу... Твоё дело!

Ответом ему были лишь её хриплые болезненные выдохи из сухого горла. А сопротивление её он чувствовал даже во взгляде, в сведённых бровях, она отворачивалась от его поцелуев, он находил лишь её упрямые поджатые губы, да и то если только держал силой за подбородок.

Больно придавливал обнажённое тело рабыни кожаной

кирасой, ведь так и остался в одном сапоге и в ней. Зато девочка получила то, что заслуживала.

* * *

Он и правда не пустил её никуда, запретил работать по лагерю и принёс новую тунику из тончайшей шерсти нежнейшего розового цвета. Ацилия сидела в своём углу, обняв себя за плечи, в сторону хозяина даже не глянула. Он положил одежду перед ней, стоял, повернув голову набок:

– Переоденься, я хочу посмотреть.

Она подняла глаза и разомкнула губы:

– Мне не нужны никакие подарки, тем более от вас.

– Это не подарок.

– А что это?

– Это вместо твоей... вчерашней...

Он смотрел на неё, она в плаще через грудь, с открытыми плечами, ключицами, и кожа белая, аристократическая, розовый должен был ей идти, специально подбирал для неё и денег не пожалел, хоть и стоила она дорого. Волосы, завиваясь, лежали на спине, отливали медью. Красивая у него рабыня.

– Что это? – Ацилия усмехнулась, дрогнув бровями, сверкнула в полумраке белыми зубами. – Запоздалая забота? Вчера вы как животное, а сегодня... Проснулась вдруг совесть? Не надо мне ничего! От вас я ничего не приму...

– Ты сама меня вчера вывела. Может быть, я и был немного груб, но...

– Немного? – вызывающе перебила она, хотя и знала, что он этого не любит. – Какая жалость, что у вас нет сестры, и она никогда не переживёт подобного к себе отношения, подобного человека, как вы... Вы – дикое, необузданное животное! И не надо мне ничего от вас, я не возьму...

Он помолчал какое-то время, с усилием сдерживая себя.

– Мне самому тебя переодеть? – Выдержка у него тоже была хорошая – на зависть любому оратору! – Только не жалуйся потом.

– А я и не жалуясь! Я никогда не жалуясь! А на вас тем более!..

– Мне тебе помочь?

– Ну попробуйте... – Она пожала плечами и вызывающе глянула снизу вверх.

– Я позову на помощь кого-нибудь из своих легионеров или даже несколько легионеров... Ты этого хочешь? Я так сделаю.

Она усмехнулась, поднимаясь на ноги, говорила:

– Когда вы рвали вчера мою одежду, помощники вам были не нужны. – Он промолчал, и она продолжила, глядя ему в лицо, – Вы – эгоист, если вы, конечно, знаете значение этого слова, вы живёте только для себя, вам плевать на людей, что окружают вас, вам безразлична чужая боль, чужие чувства... Вам безразлично, что своими поступками вы вызы-

ваете только ненависть к себе... Нет ничего удивительного в том, что у вас столько врагов здесь, мне даже думается, что у вас нет ни друзей, ни любимой женщины... Чтобы быть любимым, ценимым другими человеком, надо обладать другими качествами, у вас таких нет...

– Ты ничего не знаешь обо мне, как ты можешь об этом говорить?

– Да что тут знать? – Она вздохнула и подобрала с пола новую тунику, развернула её в полный рост. – Отвернитесь!

– Что?

– Отвернитесь, пожалуйста, господин...

Он долго глядел ей в лицо, губы тронула улыбка:

– Чего ж я у тебя не видел?

– Тогда уж точно забирайте назад! – Бросила ему под ноги тунику и отвернула голову, закрывая глаза, так и стояла, обняв себя за плечи, прижимая к груди свободный плащ, и тот опускался вниз к открытым ногам мягкими складочками. Упрямая! Ну не раздевать же ему её в самом деле?

Марций вздохнул, развернулся и вышел за штору в атриум палатки.

Ацилия осталась одна, открыла глаза, облегчённо переводя дыхание. Что за человек? Глянула на тунику, лежащую на полу: красивая, мягкая, и цвет – самый любимый её, как знал как будто. Она такие дома носила, и снизу оборками плиссировка – стола. Гордость гордостью, а одежда ей нужна, не ходить же ей голой, с одним этим плащом?

Подобрала тунику, откинула плащ, на мгновение оставшись обнажённой, быстро накинула тунику и расправила складочки на груди, на бёдрах. Хорошая, так и льнёт, мягкая шерсть, и рукава втачные доходят до локтя, открывая белые предплечья, хотя по сравнению с другими частями тела на них уже лёг еле заметный загар. Ерунда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.